

ЮРИЙ БЫКОВ

An illustration of a woman in a blue trench coat and a matching wide-brimmed hat. She is holding a human skeleton in her lap. The skeleton has large, yellow, cartoonish eyes. The woman is wearing yellow shorts and white high-heeled shoes. The background is a dark, textured greenish-brown.

Дар
Калиостро
повести и рассказы

Москва
2008

Юрий Быков
Дар Калиостро.
Повести и рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26345232

*Юрий Быков. Дар Калиостро. Повести и рассказы: Спутник +; Москва;
2008*

ISBN 978-5-364-01061-2

Аннотация

В своих рассказах и повестях Юрию Быкову с одинаковым успехом – то есть с (...) убедительностью психологических и социальных мотивировок, достоверностью атмосферы и увлекательностью сюжета – удается быть реалистом и сатириком, лириком и юмористом, фантазером и даже мистиком.

Русский литературный журнал в Атланте № 29, 2007 год.

Содержание

Предисловие	5
Дар Калиостро	11
I	11
II	16
III	21
IV	25
V	30
VI	37
VII	42
VIII	46
IX	52
X	59
XI	65
XII	78
XIII	81
XIV	93
XV	102
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Юрий Быков
Дар Калиостро.
Повести и рассказы

© Быков Ю. А., 2008

Предисловие

Когда тебе десять лет чудо может произойти в любой момент. Так и случилось однажды ранним зимним утром, когда я шла в школу по Большевикскому (бывшему Гусятникову) переулку. Обычно я ходила по переулку Стопани (сейчас Огородная слобода), но той зимой в Большевикском вырыли большой котлован под новый дом. Котлован был объектом пристального внимания детей со всей округи. И вот над этим самым котлованом высоко в белесом январском небе стоял светящийся розоватый шарик, сидящий на серебристо-белом конусе – ну точь-в-точь мороженое «рожок», которое мы покупали возле метро «Кировская» (ныне «Чистые пруды»). Открыв рот, я медленно пошла вдоль стройки. Вместе со мной поплыл и «рожок». Было ощущение, что он ведет себя как пес на прогулке. Но к школе «Рожок» со мной не отправился, а остался сторожить котлован.

Через несколько лет дом достроили и заселили, а в нашей школе появился «новенький». Звали его Юра Быков и мы с девчонками решили, что он похож на поручика Лермонтова, «только красивее и с чувством юмора». Так мы и прозвали его: «поручик». Юра закончил школу и поступил в МАИ, который, кстати, наряду с медицинским, стал кузницей литературных кадров. Однажды при встрече он прочитал нам несколько своих рассказов об институтской жизни. Рассказы

были очень смешные. При этом они отличались краткостью и простотой. С тех пор каждый раз мы просили Юру поччитать что-нибудь новенькое. И он читал.

В 80-х Юра отнес свои повести и рассказы в «Новый мир». Там обрадовались появлению нового талантливому автору и сказали, что готовы напечатать все, с одним условием... Надо ли говорить, что условием была цензурная правка. Юра отказался. Та же история, с «распростертыми объятиями» и «условием», повторилась в «Юности», а потом и в других изданиях. Но писатель уже родился. Он, как и все граждане СССР, ходил на работу, обзаводился семьей и имуществом, и писал. Писал хорошо. Можно сказать мастерски. Однажды я спросила Юру, как у него это получается. Ответ был неожиданным: «Читаю Тургенева».

Читатель непременно почувствует эту любовь писателя к Тургеневу и вообще к русской классической литературе. Она видна в чутком отношении к языку, в выразительных речевых характеристиках героев, в том, как хорошо удаются автору описания. Краски легки и прозрачны: пейзаж и портрет, жанровые сцены и натюрморт. И так органично звучит среди этих полотен тихая мелодия любви. Она слышна в таких замечательных автобиографических вещах, как «Седьмое ноября», «Однажды летом». В них столько тепла, горького и одновременно сладостного ностальгического чувства.

Но жизнь слишком разнообразна, запутана и неожиданна, чтобы можно было втиснуть ее в рамки реалистического по-

вестования. Особую притягательность в произведениях Ю. Быкова имеет то, как законченность и простота реалистического рисунка сочетаются с фантастическим сюжетом.

Первая написанная им «фантастическая» вещь – «Похождения Леготина». (Проблемы, которые ставятся в повести, обозначены в самом ее начале). Однако «Похождения Леготина», как и все остальные произведения Ю. Быкова нельзя отнести к жанру собственно фантастики. Вещь эта глубоко философская и остросоциальная. Символический смысл повести угадывается уже в самом названии, отсылая нас к «Похождениям Чичикова».

«Похождения Леготина» интересны, прежде всего, темой. Тема странная и удивительная: жизнь серости. Не «маленького человека», а именно серости. Страшновато, потому что основные категории бытия – всепоглощающие и разрушающие пространство и время – бессильны перед Леготиным. Он осваивает их моментально. Ему не требуется время на осознание происходящего, себя, действительности. Переходя из времени во время, из эпохи в эпоху, он даже не лавирует, не приспособливается, так только – слегка утомляется.

Станным образом все остальные герои рассказов и повестей Ю. Быкова как раз не могут приспособиться к настоящему. Это неприемлемое, а часто непереносимое настоящее автор сравнивает не с прошлым или будущим, а с неким идеальным, романтическим воображаемым бытием. Его идеал не имеет отношения ни к советскому прошлому, ни к пост-

советскому настоящему, ни к светлому будущему. Он внеисторичен. Революционной программы переустройства общества у автора тоже нет. Скорее он соотносит окружающий мир со своими моральными принципами: честностью, добротой, порядочностью. Личная порядочность, даже просто существуя сама по себе, делает жизнь не такой безотрадной, изменяет мир. Положительный герой скорее созерцатель, чем человек действия. Но он находится на линии времени, осуществляя связь прошлого и будущего через современность. И он понимает свою ответственность «здесь и сейчас» как простую необходимость оставаться порядочным человеком. Поэтому и зло бывает побеждено судьбой, роком, с ним сражаются даже предметы («Гвоздь»), но не человек.

Все произведения Ю. Быкова непосредственно касаются социальной действительности. Но ни человеческие отношения, ни социальные катаклизмы не находятся в центре внимания автора. Все разнообразие сюжетов, форм, литературных приемов служит одной главной теме: теме духовной жизни человека. Внутренняя нить событий всегда приводит к нравственному выбору, когда герой должен сказать: «Нет!».

Читатель этой книги непременно почувствует, что автор находится в некоем культурном литературно-художественном пространстве, где живут художники, писатели, музыканты и их персонажи. Иногда мы встречаемся с ними напрямую («Чудес не бывает»), иногда это намеки, параллели, аллюзии

(«Дар Калиостро», «И тогда я сказал «Нет»! «Испытательный срок»). Но все они не воспринимаются как некие заимствования, отголоски или бледные подоби́я оригиналов. Напротив, они очень свободно и органично живут и действуют на новом витке времени. Как, например, замечательно хорош ресторанный кот Еся («Испытательный срок»), который, превращаясь в Отца всех народов, проводит заседание Политбюро в отдельно взятом ресторане, Сатана, буфетчица и официантка – эта лихая троица как будто передает нам привет от М. А. Булгакова.

Замечателен напоминающий сказки Андерсена рассказ «Гвоздь», где через жизнь предмета показано течение времени и в этом потоке судьбы одного человека, семьи, страны. В произведениях Ю. Быкова вообще очень много именно сказочного. Здесь и трудности на пути главного героя к цели, и волшебный предмет, до которого нужно добраться («Дар Калиостро») и основное – внутренний ресурс главного героя – доброта.

А как хорош юмор Ю. Быкова. Этот своеобразный юмор часто заключен и в самой идее («Испытательный срок»), и в ситуациях, и в лексике. Юмор здесь тесно переплетен с сатирой. Нельзя сказать, что сатира автора очень жесткая, что она питается принципиальным неприятием современной действительности. Это скорее ироничный и грустный взгляд русского писателя-интеллигента.

Мы смотрим вместе с ним и видим старую Москву и Чи-

стые пруды и ощущаем тепло старой московской квартиры и запах коммунального винегрета, приготовленного к ноябрьским праздникам...

В 2007 году произведения замечательного и уже зрелого русского писателя Ю. Быкова наконец напечатали... в американском литературном журнале. Конечно, трудно представить его острые и умные вещи напечатанными в застойные восьмидесятые. И все же... Опять, как всегда, не у нас. Опять там. А он нужен нам здесь.

А что же то чудо, которое я когда-то увидела над котлованом Юриного дома? Как здорово было бы написать, что вот де неспроста появился тогда этот мистический знак – НЛО, что предвещал он появление такого странного писателя как Ю. Быков. Но... чудес не бывает. Все оказалось гораздо прозаичнее: это была шаровая молния. Явление природы. Да, всего лишь шаровая молния висела тогда в небе над Гусятниковым (тогда Большевицским) переулком.

Ольга Царёва

Дар Калиостро

I

Темнело. Порывистый ветер хлестал улицу осенним дождем, а афиша светилась, словно потерявшийся кусочек лета: с нее улыбалась молодая женщина.

Защемило сердце. Смагин повел плечами, как бы глубже втискиваясь в плащ, и зашагал дальше.

Женщина склоняла голову над конской гривой. "Цирк на Цветном бульваре ждет Вас на новую программу!" – приглашала афиша.

"А вот взять, да и пойти в цирк! – подумалось Смагину. – Познакомиться с этой красивой артисткой и... начать новую жизнь... Старая-то ни к черту!..."

На углу Мясницкой, у почтамта, Смагин остановился, но не свернул, как обычно, к Чистым прудам. Ноги сами понесли его к Сретенке.

Смагин шел и думал: "Как же давно я здесь не был!.. Оля Зубарева в этом доме жила... Интересно было бы встретиться с ней. А Артурыч что здесь делает?"

Смагин заметил среди прохожих своего нового соседа по коммунальной квартире. Когда между ними оставалось несколько шагов, сосед подмигнул Смагину и широко улыб-

нулся, сверкнув желтыми коронками. В который раз Смагин удивился, насколько манеры и облик соседа не соответствуют его изысканно-интеллигентному имени – Альберт Артурович Нигелла.

Это был крупный лысеющий мужчина лет 55-ти с массивным розовым лицом. Также удивляло Смагина пристрастие Артурыча к ношению тельняшки, притом, что моряком он не был. Тельняшка то выглядывала через расстегнутый ворот, то выползала из рукавов, то целиком являлась взору, когда Артурыч расхаживал по квартире. Вообще-то работал он иллюзионистом. "Я маг и чародей", – говорил о себе Нигелла, смеясь. И, действительно, только волшебник сумел бы въехать в почти расселенную коммуналку (жил там один Смагин) в доме под снос.

Смагин вежливо улыбнулся Нигелле, и они разошлись, не сказав ни слова.

Дождь кончился и стих ветер.

Смагин стоял за решетчатой оградой между крыльями бежевого с белым орнаментом дома и смотрел на окна. Их свет раздвигал уже опустившийся сумрак, так что темноты почти не ощущалось. Он отыскивал глазами эркер.

"Вон там, на последнем этаже, жила Оля..."

Нет, была она не красавица, но ладная, волнующая: с румянцем на смуглых щеках, чудесными, темно-желтыми глазами – такими бывают спелые крыжовины, – пухлой верхней губой, будто только что прикушенной, круглыми, полными

коленками. Запомнились еще ее высокие сапоги на шнуровке и то, что она слегка косолапила.

– Чего вам тут надо? – раздался раздраженный голос.

Смагин отвел взгляд от зеркала. Перед ним стоял высокий мужчина в синей униформе с нашивкой "Служба безопасности".

Смагин мог бы и раньше сообразить, что обитатели этого дома, сменившие жильцов коммуналок, люди особой породы. Чужакам не место на их территории.

Ничего не ответив, он направился прочь.

Смагин уже почти прошел через ворота, когда сзади его схватили за плечо.

– Ты что, мужик, не понял? – развернул Смагина охранник. – Я спросил: "Чего тебе надо?"

По злым глазам и выражению решимости на его лице Смагин понял, что объясняться не имеет смысла, к тому же рука охранника очень удачно располагалась для захвата.

Бросок получился образцовый.

Секьюрити потом, слушая ночами, как ноют ушибленные ребра, и, покачивая языком повредившийся зуб, горько сожалел о проявленном рвении. Откуда ему было знать, что Смагин в прошлом занимался борьбой и был даже кандидатом в мастера спорта.

Упав, охранник забарахтался на мокром асфальте. Опрокинувшимся сознанием он тщетно пытался сориентироваться в пространстве. Наконец, встал по-звериному на четвер-

реньки и провыл какое-то ругательство.

Увидев, что охранник начинает приходить в себя, Смагин решил уйти, но тут появился черный «Мерседес». Он встал в проеме ворот. Дважды прозвучал сигнал и зажегся дальний свет фар.

Смагин догадался, что за «своего» сейчас вступятся. Почувал подмогу и секьюрити. Он приподнялся, готовясь к прыжку, однако Смагин успел ткнуть его кулаком в челюсть. Бедолага снова "выбыл из игры".

Тем временем из салона вышел водитель, лениво переваливаясь большим сильным телом, направился к Смагину.

Выжидая, Смагин замер. Подпустив на нужное расстояние, он нырнул сопернику под мышку, обхватил его в поясе, приподнял и, качнув в сторону, отпустил.

Земля вздрогнула, а громила – водитель, столкнувшись с асфальтом, обескуражено охнул.

Оставаться дальше на поле битвы Смагин не собирался. Однако исчезнуть не успел.

Со стороны бульвара уже летела с сиреной милицейская машина, из подъезда дома выбегали люди в синей униформе, а возле «Мерседеса» с мобильным телефоном в руке стояла... Оля.

Она, конечно, изменилась и, в первую очередь, в том, что из черт ее лица ушла незавершенность, и они сложились в строгий красивый лик.

Зная наверняка, что сейчас его будут бить, Смагин, как

завороженный, смотрел на Олю. По-прежнему стройная, она была очень изящна в белом брючном костюме и, казалось, больше не косолапила.

– Я за что вам плачú? – властно, не повышая голоса, но слышно на весь дворик, произнесла она, глядя на подбегавших охранников. – Не можете порядок навести? – кивнула она в сторону Смагина и направилась к подъезду.

Ему бы крикнуть, что это он – Леша Смагин, ее одноклассник... Неужели она не узнает его? Да поздно опомнился: на него уже навалились, схватили за руки, и чей-то тяжелый кулак прошелся по челюсти.

Неизвестно, чем бы все закончилось, не вмешайся через некоторое время милиция.

– Хорош, мужики, хватит, – остановил охранников сержант.

И улыбнулся, добрая душа:

– Мы ему потом добавим... у себя...

II

Отделение милиции располагалось на территории бывшей усадьбы, которую от улицы отгораживала стена с воротами. На одном из въездных столбов можно было прочитать надпись, напоминавшую о том, что владелец усадьбы в свое время уплатил взнос на строительство казарм, а потому освобождался от обязанности размещать у себя на постой солдат. Так и было выложено рельефом на капители "СВОБОДЕНЬ ОТЪ ПОСТОЯ".

Надпись эта как бы насмешливо подмигивала из дали времен дню сегодняшнему, поскольку скромный двухэтажный особняк – бывший служебный корпус усадьбы – на протяжении многих лет регулярно принимал на постой граждан, вплоть до пятнадцати суток.

Руководил процессом майор милиции Павел Ильич Насильников. Как говорилось в адресе, недавно врученном ему по случаю сорокапятилетия, он прошел "славный путь от простого постового до начальника одного из лучших отделений столичного ГУВД". Начальство ценило этого коренастого, небольшого роста майора, добившегося всего в жизни собственными руками.

Славный путь Павла Насильникова начался лет двадцать пять тому назад, когда он, отслужив срочную, решил не возвращаться в родную деревушку на Брянщине, а податься в

Москву. Далее уместнее всего процитировать некоторые места из очерка в газете "Милицейские будни". "... Жил Павел в общежитии, в комнате на пятерых. В стужу и в зной, в дождь и ветер стойко нес он нелегкую службу постового, находя в себе силы заочно учиться в школе милиции. Перед упорством и волей этого скромного паренька рушились любые преграды. И вот, наконец, – долгожданные лейтенантские погоны!

... А вскоре наступили непростые времена. Рэкет, криминальные разборки, передел собственности. Но Павел Насильников с честью выдержал испытание временем!

... Вот уже который год рука об руку шагает с ним по жизни его верная спутница, друг и жена Зинаида.

Она приглянулась ему сразу же – молоденькая, улыбочивая паспортистка... Через год сыграли свадьбу. Они не только супруги, но и коллеги: многим хорошо знакома Зинаида Викторовна Насильникова – начальник паспортного стола..."

К сожалению, Смагин не был читателем газеты "Милицейские будни", а потому не мог знать, сколь достойная личность появилась на пороге дежурной части в виде низкорослого угрюмого майора.

– Хохлачев! – крикнул он вытянувшемуся старшему лейтенанту. – Я домой! Завтра утром меня не будет – еду в Главк...

Майор прошелся тяжелым взглядом по клетке для задер-

жанных, именуемых в народе «обезьянником». Сидельцы, видимо, люди опытные, предусмотрительно попрытали взоры. Один только – плотный мужчина лет сорока с раздутой губой и ссадиной на скуле – безразлично смотрел в никуда.

– Это кто такой? – ткнул пальцем в его сторону Насильников.

– Да вот, товарищ майор, какой-то Смагин. Мы его по звонку Ольги Викторовны задержали: ошивался возле их дома, потом драку с охраной устроил...

– Ольга Викторовна – это Зубарева? – насторожился майор.

– Так точно!

– Ну-ка, давай его сюда, – скомандовал Насильников.

Он уселся за стол дежурного и в ожидании, пока Смагина выведут из «обезьянника», листал его паспорт. Зазвонил телефон. Насильников недовольно посмотрел через плечо на замешкавшегося Хохлачева, а когда повернулся, Смагин уже стоял перед ним. Насильников нахмурился, недобро сверкнув глазами, но Хохлачев не дал ему начать:

– Это вас товарищ майор, – протянул он трубку.

– Слушаю! – с раздражением выдохнул Насильников.

В следующую секунду он встал, выпрямился и, округлив глаза, замер. Майор выслушал кого-то ни разу не моргнув, а потом вышел из-за стола и с тем же каменным лицом... пустился в пляс!..

Всех присутствующих продрал мороз.

Обитатели «обезьянника» в ужасе отпрянули от решетки, Хохлачев, привстав, застыл в позе Воровского на известном московском памятнике, Смагин втерся спиной в ближайшую стену, а сержант, который обещал ему «добавить», подрагивая от испуга лицом, исчез за дверью.

Павел Ильич Насильников исполнял матросский танец «Яблочко». Судя по отточенным движениям, в свое время он хорошо разучил его в кружке художественной самодеятельности. Особенное старание он проявил, когда, усевшись посреди дежурки на пол, изображал гребца.

По окончании танца Насильников, как ни в чем не бывало, скомандовал Хохлачеву:

– Звони Малютину!

Дежурный, оставаясь в состоянии потрясения, непонимающе смотрел на майора.

– Хохлачев! – рявкнул Павел Ильич. – Я тебе говорю! Звони в управление собственной безопасности!

На сей раз голос начальника вывел старлея из оцепенения, однако руки его не слушались. В конце концов майор вырвал у Хохлачева трубку и сам набрал номер.

– Малютин? Привет! Насильников. Все еще на работе?

Павел Ильич говорил с каким-то озаренным, почти веселым лицом, что было бы уместнее при исполнении «Яблочка», а не при общении с сотрудником службы собственной безопасности.

– Тут такое дело... Задержали мои некоего Смагина. У

дома номер шестнадцать на Сретенском бульваре. Ну да, тот самый дом... Там охранники злые, всех цепляют. В общем, произошла у них с этим Смагиным драка. На глазах у Зубаревой – банкирши, которая там проживает. Она звонит нам: что за безобразие! Примите меры! Ну, дежурный тут же направляет наряд, Смагина задерживают и доставляют сюда. И знаешь, что я собираюсь сделать? Отпустить? Нет, не могу. Потому что мне эта банкирша платит. Понимаешь? И, значит, безвинного гражданина Смагина надо мне подвести под статью. Вот, мол, Ольга Викторовна, как мы работаем, по всей строгости наказываем! И что ты думаешь, Малютин, она одна меня кормит? Не просто же так у меня новенький BMW появился. Что со мной? Считаю, явка с повинной... Да, и еще про Зинаиду, верную спутницу мою. Взятки она берет немеряно, не знает, на что потратиться. Любовника себе нового завела... Тебе, Малютин, сегодня здорово повезло. Доставай ручку, записывай! Лично приедешь? Давай, жду?

Насильников положил трубку и, оглядев дежурку спокойным ясным взглядом, сказал:

– Хохлачев, гони ты их всех отсюда...

III

Было около девяти часов вечера, когда компания из «обезьянника» спешно миновала белокаменные ворота и под недоуменном взором барельефа "СВОБОДЕНЪ ОТЪ ПОСТОЯ" растаяла в течении улиц.

Весь путь до дома Смагин мучился вопросами: кто звонил майору? что сказал ему неизвестный? и вообще – что это было?

А еще досаждала мысль: "Разве так я хотел встретиться с Ольгой?"

Смагин открыл дверь квартиры. Навстречу ему устремились запахи еды и гул голосов. Он понял: у Артурыча гости. Смагин прошел к себе, сбросил на стул плащ, включил телевизор и, изнуренный, опустился в кресло. На душе стало пусто. Болела скула. Смагин бездумно уставился в телевизор.

Огромный, заполненный публикой зал. Камера «наезжает» на молодую женщину с крупными тонкими кольцами в ушах. Она красива, нарядна, спокойна. Вдруг лицо женщины искажается так, будто загорелся подол ее шикарного белого платья. Разом подурнев, с безумным взглядом и раскрывшимся в крике ртом она вскакивает с кресла. Но вместо того, чтобы тушить пожар, замирает в скорбной позе, закрыв руками лицо. Когда же она его открывает, становится ясно, что никакого пожара нет. Это нагрязнуло счастье. Ну да: из

глаз льются слезы радости, на лице яркая улыбка. Она готова обнять весь мир и расцеловать каждого. Особенно вон того, бородатого, который уже раскинул руки. Покачиваясь от счастья, женщина поднимается на сцену, где ей вручают желтую статуэтку.

До Смагина доходит, что показывают церемонию награждения премией "Оскар".

Свет в зале гаснет. На экране – эпизод из фильма о полицейских. Только что награжденная актриса и здоровенный негр играют напарников. Между ними конфликт. Напарник напористо, зло в чем-то обвиняет героиню. Та пробует оправдаться, но дальше робкого начала фразы: "...Ай... ай... ай" дело не идет – сбивает напарник, сбиваются мысли. Но убежденность в собственной правоте придает героине сил. Вот она возвышает голос, вот переходит на крик, а, когда негр умолкает, – заходится в гневном монологе. Заканчивая, героиня тычет в напарника пальцем и гордо восклицает: "Фак ю!"

Весь полицейский участок, на глазах которого разворачивается действие, рукоплещет. В зале – овация.

Смагин содрогается. Он торопливо переключает канал и оказывается на обсуждении нового отечественного телеромана. Аудитория разделена на тех, кому сериал нравится, и тех, кто его не воспринял. Но почему-то и те и другие роман хвалят. Просто первые называют его шедевром, а вторые – выдающимся произведением. Причем, обе стороны ссыла-

ются на мнение зрителей, то есть народа.

Смагину вспомнилось, как один его знакомый писатель – неудачник после очередного отказа в издательстве сказал: "Знаешь, почему так происходит? Потому что на мне денег не заработаешь. Вот и твердят: "Вещь написана беспомощно, примитивно, прививает читателям дурной вкус". Зато на халтуру, которая большие «бабки» приносит у них другой ответ: «Что ни говорите, а народу нравится». Так вот и делают миллионы на дешевых детективах. И плевать им на то, что приучают этот самый народ к пошлости".

Смагин сериал не видел, а потому не знал, что телероман был основан на мифах и анекдотах, связанных с советской эпохой, через которые авторы незатейливо-прямо прокладывали жизненные пути героев. Произведение оставляло тягостное впечатление от обилия нелепостей и наглой претензии на историчность. Ничего этого Смагин не знал, но, услышав слова о народе, сразу же перешел на другую программу.

Там молодой министр докладывал Президенту о росте реальных доходов населения и подъеме экономики страны. Министр был спокоен, только иногда постреливал глазами в сторону, из чего следовало, что он врет. Собственно, для того, чтобы убедиться в этом, достаточно было, выражаясь фигурально, посмотреть в окно. Но, похоже, Президент, который все время одобрительно кивал, давно этого не делал.

Смагин взгляделся в лицо Президента. Оно было хорошо ему знакомо. Работая на комбинате художественных из-

делий, Смагин почти ежедневно изображал президентский лик. И достиг высот мастерства. Он не только добился совершенного внешнего сходства, но и проник, как казалось Смагину, в сущность этого человека. Он был понятен ему во всем. Кроме одного: почему Президент слеп к очевидному? К тому, например, что ему врут. Вот как теперь...

Он раздраженно нажал на кнопку и выключил телевизор, как будто так можно было прервать бесконечное торжество лжи и величайшее глумление над здравым смыслом...

IV

Дедом Смагина по материнской линии был известный художник, академик, писавший великолепные парадные портреты.

Пурпур знамен, изумрудная зелень скатертей, стать мундиров, сияние орденов – его холсты поражали величием. Что и говорить, смагинский дед был настоящим мастером!

В старости академик любил поболтать с внуком.

– Посмотри, Лешка, вон на тот портрет маршала с бородкой. Видишь, какое у него энергичное лицо, волевые глаза?! А какой уверенный жест! В жизни он был совсем другим. Этот говнюк даже маршалом настоящим не был: его потом в генералы разжаловали. Ты думаешь, он мне позировал? Черта-с-два! Он пил не просыхая! Так что пару раз съездив к нему впустую, я запросил на дом его мундир. Да... Мундир я писал с натуры. Все остальное – мастерство художника!

А вон та балерина... Посмотри, как хороша! Разрумяненная, жаркая, только что из танца... Ну и несет же от них потом... не приведи, господь... С ней, дружок, я чуть в историю не влип... Но об этом потом расскажу, если жив буду.

Слава Богу, жил академик долго!

И вместе с ним под крышей его огромной квартиры с мастерской жил внук.

Дело в том, что родители Смагина практически беспрерывно находились за границей, так как отец его был дипломатом.

После смерти деда (бабушка умерла двумя годами раньше) начался раздел наследства. Поскольку завещания академик не оставил (как поговаривали родственники, нарочно), процесс проходил крайне тяжело. Переругавшись вдрызг (не этого ли хотел старик?), четверо детей академика все же договорились: наследство распродать, а вырученные деньги поделить.

В результате, Смагин стал обладателем кооперативной квартиры и портрета ткачихи – стахановки Ульяны Кавардак кисти академика.

К тому времени Смагин уже закончил Строгановку. Идя по стопам деда, он делал замечательные успехи.

Будущее манило, как восход солнца. Работы было через край. В числе заказов появился даже портрет руководителя профсоюзов страны.

Вот на этом-то подъеме Смагин и встретил красавицу Жанну. Она ослепила его! Недолго думая, Смагин предложил выйти за него замуж. Жанна, посоветовавшись с мамой, Риммой Викторовной, согласилась. И приготовила ошейник.

Так уж в семье у них было заведено: держать своих мужчин в ошейниках. Хватило бы и короткого взгляда на мужей старших сестер Жанны, чтобы убедиться в этом. Но влюбленного Смагина будущие родственники интересовали мало.

Между тем, оба зятя имели совершенно затравленный вид и явно себе не принадлежали. Каждый шаг несчастных контролировался, а чтобы жизнь не казалась совсем безрадостной, им позволялось, например, от души поработать на тещиной даче или навестить со всем семейством древнюю тетю Киру и отведать ее окаменевших сливочных помадок. Роковым для бедолаг являлось то, что сестрицы были на редкость хороши собой.

Впрочем, существуют красота и красивость. Кому как не художнику это знать, и со временем Смагин понял, что станет первым, "поднявшим бунт на корабле".

Хотя нет, вторым. Первым все-таки был супруг Риммы Викторовны, который лет пятнадцать тому назад поступил радикально – умер.

Когда Смагин объявил Жанне о намерении развестись, Римма Викторовна поселилась у них дома. Охотницы не хотели выпускать добычу: Смагин был обеспечен, перспективен и совершенно по-житейски неопытен, иначе не стал бы он сразу после свадьбы прописывать Жанну у себя.

Смагин съехал жить к родителям (те все еще находились за границей), но теща не оставляла его в покое.

– Вы, Алексей, ведете себя как подлец! – кричала Римма Викторовна в телефонную трубку. – Учтите, ни на развод, ни на обмен квартиры мы не согласны! Или вы думаете, что я постесняюсь обратиться в ваш профком?

Смагин так не думал, да только профкомы вскоре ушли в

темные воды истории.

Тогда-то факт написания Смагиным портрета руководителя профсоюзов страны представился многим в совершенно ином свете. Вспомнили, кстати, и деда-академика, известного придворного художника. Демократическая общественность отвернулась от Смагина. Заказы кончились. Пришло время нужды.

Разумеется, жене и теще Смагин сразу же сделался неинтересен, и они, согласившись на размен его квартиры, отпустили «счастливец» на свободу.

Так и оказался Смагин в коммуналке, а говоря вообще – "у разбитого корыта".

В дальнейшей жизни он побывал: продавцом на вещевом рынке, закупщиком продуктов в ресторане, помощником бухгалтера, кладовщиком в супермаркете и т. п. Но ни к этим, ни к другим занятиям он так и не обнаружил призвания – как и великое множество инженеров, учителей, актеров, учёных, выброшенных из любимой профессии Великим переустройством общества.

Полгода назад Смагину повезло: его приняли художником на комбинат художественных изделий.

Смагин был счастлив. Прикасаясь к краскам, он чувствовал, как поправляется, теплеет душа, как входит в него желание снова писать, по-настоящему – сердцем.

Правда, выполняемая им работа творческого подъема не требовала: Смагин тиражировал портреты Президента, а по-

тому встрече с вдохновением откладывал на вечер. Дома его ждал натянутый холст...

К сожалению, вечером ничего не происходило.

И так – день за днем. То ли текучка заела: погряз в подробностях лица Президента, то ли не обрел необходимого внутреннего покоя: последний его роман – с Зоей, экскурсоводом из Центрального Дома художника – оказался нервным, изматывающим, то ли по другой причине, но вдохновение все не приходило...

Кстати, несколько дней назад случился окончательный разрыв с Зоей, и хотя Смагин был к нему готов, все – равно щемило сердце.

А вот к закрытию комбината он готов не был. Новые хозяева приобрели комбинат у старых за долги и, как водится, решили его перепрофилировать, то есть свернуть производство. В это не верилось до последнего дня.

Но вот он наступил, последний день. Сегодня Смагин получил расчет.

Значит, нужно было начинать все сначала.

V

Смагин почувствовал, что необыкновенно устал. Глаза закрылись сами собой, и он замер в кресле, погружаясь в предсонную путаницу мыслей. Еще чуть-чуть и Смагин не услышал бы стука в дверь.

– Войдите, – выплыл он из дремы.

На пороге стоял Нигелла и улыбался. Однако, разглядев Смагина, потух.

– Кто это тебя?

– Да так... Мир не без добрых людей...

– Это точно... Тут у меня гости собрались. На новоселье. Присоединяйся по-соседски.

– Куда ж я такой пойду? – потрогал Смагин разбитую губу.

– А ты не смущайся. Сейчас главное для тебя – развеяться. Пошли. "А почему бы и нет? – решил Смагин. – Черт с ней, с губой!"

В комнате у Нигеллы было людно.

С порога Смагин словно натолкнулся, налетел на чей-то взгляд. Молодая женщина смотрела на него от края длинного стола. Кого-то она напомнила ему – этими темными глазами, изящными взмахом бровей, оттенком каштановых волос, мягким контуром стрижки. Отводя взгляд, она очаровательно, светло улыбнулась – и стало очевидно: это артистка, которую Смагин видел на цирковой афише! Что-то неверо-

ятное происходила сегодня вечером...

– Братцы! Прошу любить и жаловать: мой сосед Алексей! – представил Смагина Артуруч.

– Штрафную ему! – раздались голоса.

– Водку будете?

– Вы, извините, боксер?

– Таня! Положи ему салата!

Все обещало интерес к новой персоне.

Однако, выпив со Смагиным, компания сразу ж о нем забыла, отчего тот облегченно перевел дух.

– Я знаю, что делать, – вернулся к прерванному разговору мужчина с длинным лицом. – Надо поступить так, как предложил один журналист, я в газете недавно читал: на должность Генерального прокурора следует назначить иностранца.

– Зачем?

– Неужели не ясно?! Они же за бугром все повернуты на соблюдении законов. Тамошний прокурор, в случае чего, и президента засадит – глазом не моргнет! А если в государстве все станут исполнять законы, то тогда, Петрович...

– То тогда, – перебил Петрович, – в России будет неинтересно жить!

Дальнейшее обсуждение темы утонуло в смехе и многоголосоце.

Чувствовалось, что застолье подходит к той стадии, на которой еще ведется общий разговор, но компания вот-вот рас-

падется, и тут и там возникнут островки задушевной уединенности, о пребывании на которых многие из гостей будут наутро сожалеть.

Смагин мысленно торопил минуты, чтобы быстрее все смешалось и можно было бы подойти к той женщине в конце стола. Удивительно, но ему показалось, что она этого ждет. Во всяком случае, время от времени он ощущал на себе ее взгляд, и сердце сладко замирало.

Между тем, соседка справа явно положила на Смагина свой шальной, с косинкой глаз.

– Меня, вообще-то, зовут Татьяна, – начала она с теплотой в голосе. – Я гимнастка... Мы тут все из цирка. А кто вы, помимо того, что сосед Альберта Артурыча?

– Художник.

– Какие же картины вы пишете?

– Я специалист по портретам Президента.

– Отчего же только Президента? Странно...

Татьяна приобиделась и, заметив, что Смагин смотрит в конец стола, изменила тон:

– А что у вас с лицом, господин художник?

– Я, Татьяна, иногда дерусь.

– Судя по всему, вы боец не слишком удачливый...

Смагин пожал плечами.

– Зря на Лерку пялитесь. Или мало вам неприятностей?

– Да нет, хватает... А в чем дело?

– В муже...

Смагин огляделся.

– Можете не озираться – он сегодня в программе занят.

Гиревик, между прочим.

Услышанное было неприятно, однако не более того. Смагина все равно манило к этой женщине.

Он встал, решительно шагнул в ее сторону. И тут Нигелла, осветив всех улыбкой, объявил танцы. Кто-то выключил люстру и зажег торшер.

Они плыли в волнах музыки, и Смагин удивлялся той тишине, которая наступила у него внутри.

– Это ваше лицо я видел на афише? Она кивнула.

Смагин заглянул ей в глаза. Они были темно-карие и, казалось, совсем не блестели, как будто свет тонул в них. Настоящие омуты!

"Все, я пропал..." – спокойно подумалось ему.

– А кем вы работаете в цирке?

– Никем. Мой муж там работает. А меня просто попросили сняться для афиши.

– Я знаю: вас Лерой зовут, то есть Валерией. Мне Татьяна сказала.

– Вы обо мне говорили? – удивилась она.

– Я часто на вас смотрел. Татьяна заметила это и сказала, что ваш муж, которого здесь нет, может мне осложнить жизнь...

– Какая глупость! Я на вас тоже часто смотрела... Что ж теперь ваша жена...

– Я не женат.

– Ну, все равно... Разве людям нельзя друг на друга смотреть? Она улыбнулась.

– Знаете, Алексей, когда вы вошли, ваш синяк был почти не заметен. Потом он начал расти и менять окраску. Я никогда не видела, как образуются синяки... Болит?..

Под левым глазом Смагин ощутил тихое прикосновение ее пальцев. Он и не знал ничего о синяке.

В крушении маленькой надежды лишь то утешенье, что она не успела вырасти и окрепнуть, иначе пришлось бы сильней переживать. При желании в этом можно даже усмотреть некую благосклонность судьбы...

Однако все равно горько...

– А я-то думал, что вам понравился, – обескуражено признался Смагин.

И добавил в сердцах:

– Самонадеянный индюк!

Лера оказалась тоже застигнутой врасплох – смагинским простодушием, собственным смятением чувств.

– Просите, Алеша! Это было жестоко с моей стороны... И потом... Вы мне нравитесь.

"Наверно, пожалела", – не поверил Смагин.

– Не верите? Мне сразу показалось, что вы – какой-то очень мой человек... Ну, знаете, есть люди, которые с первого взгляда приходятся тебе по душе. Вот я и смотрела все на вас. А синяк...

Она потупилась.

– Про синяк тоже правда...

Смагин приобнял ее, и она доверчиво к нему приблизилась.

– Я хочу написать ваш портрет.

– Портрет? Вы разве художник?

– Вообще-то да. Я Стогановку закончил.

– Ну... я не знаю... А когда? Где?

– Начнем прямо сейчас. У меня в комнате – чистый холст.

– Хитрец вы, Алеша, – рассмеялась Лера. – Я что, по-вашему, совсем наивная?

– Честное слово! Только портрет!

* * *

– А ты меня обманул, – сказала она, рассматривая остатки лепнины на потолке.

Смагин и сам не мог понять, как все случилось. Что-то сродни горячки охватило их, как только переступили они порог его комнаты. Не хватало дыхания, сердца ходили ходунком, готовы были полопаться вены...

– Я в полном от себя недоумении, – снова заговорила она. – Раньше случалось: я изменяла мужу. Но чтобы так!.. Сколько мы с тобой знакомы?

– Всю жизнь. Тебе так не кажется?

– Кажется. Но так не бывает... А вообще-то, знаешь, мне

совершенно не стыдно...

Из коридора послышался шум.

– Гости начинают расходиться, – заметила Лера. – Ты меня все-таки немножко порисуй, а то как-то совсем уж вызывающе получается.

Смагин заканчивал карандашный портрет Леры – такой, какие во множестве рисуют на Арбате, – когда в дверь постучали. Он нисколько не удивился, увидев Татьяну.

– Лерка, а мы тебя потеряли. Расходимся уже. Ты с нами? – стелился бархатом ее голос, а глаза были настороженные, недобрые.

– Покажите-ка, покажите-ка, – потянулась она к рисунку. – А говорили, что только Президента изображаете... Здорово! Просто красавица! Ну, а на меня у вас время найдется?

– Поздно уже, Танечка. Как-нибудь в другой раз.

– Все ясно... Ну, ладно. Бай, бай, господин художник!

Когда Лера уходила, Смагин незаметно для всех шепнул ей на ухо:

– Я буду ждать тебя каждый день.

Ночью Смагину приснилось, будто бы он – Президент. В огромном кабинете со штандартом позади кресла он подписывает указ о назначении Генеральным прокурором страны какого-то Марка дель Рондо.

VI

Смагин проснулся поздно и долго лежал в задумчивости, отсеивая сон от событий вчерашнего дня. Все перепуталось. Уж не приснилась ли ему пляска майора Насильникова? Зато в пальцах еще оставалось ощущение паркеровской ручки, которой он подписывал президентский указ. А Лера?

Вдруг в памяти осветилось: "Кажется, она забыла рисунок!"

Смагин вскочил. Рисунок с милой женской головкой лежал на столе. Значит встреча с Лерой – явь!...

Хорошо, что Нигелла устроил новоселье!

Вообще-то совсем необязательное, ведь не сегодня – завтра Артуручу предстояло, как и остальным нерасселенным жильцам дома, отправиться куда-нибудь в Бутово или Куркино.

Смагину захотелось действий. Пока принимал душ, готовил завтрак, родилось решение: отныне он будет зарабатывать на жизнь только профессией! Как художник, черт возьми!

"Надо б для начала побывать на каком-нибудь вернисаже, осмотреться, воздухом подышать... Прямо сейчас и поеду".

Доедая омлет с помидорами, Смагин взглянул на часы и включил телевизор. На экране возникло знакомое лицо ведущего «Новостей» Крапивина – худое, с провалившимся

щеками и в крупных очках. Крапивин выделялся тем, что за многие годы работы диктором так и не научился читать без запинаний телесуфлер и обладал замедленным, как у совы, рефлексом моргания. Он, между прочим, был нисколько не хуже своих коллег, также примечательных всяк по-своему: кто дикцией, кто наружностью.

Похоже, отошли в прошлое те времена, когда к телеведущим предъявлялись строгие требования. Теперь при подборе кадров, видимо, действовал принцип: ну и что, что шепелявит? Ну и что, что челюсть квадратная? Никакой дискриминации!

Может, так и надо – вполне по-западному, демократично, только Смагин всякий раз искренне переживал за Крапивина, когда тот попадал впросак.

Крапивин, как всегда, пожевал губами, неторопливо сморгнул и начал:

– Президентом подписан указ о назначении на должность Генерального прокурора гражданина Италии Маркса... извините, Марка дель Рондо...

Смагин не донес до рта последний кусок омлета и не испытал обычного смущения за крапивинский промах. Ошарашенный, он пришел в себя только, когда сочная помидорная мякоть, сорвавшись с вилки, плюхнулась в тарелку.

"Да нет же, никакой чертовщины здесь нет, – попробовал успокоиться Смагин. – Все логично: сказанное вчера одним из гостей запомнилось мне на подсознательном уровне, а но-

чью проявилось во сне..."

"Так-то оно так, – выполз Червь Сомнения. – Но тогда получается, что Президент читает газеты. Да к тому ж почерпывает из них здравые мысли! Воля ваша, но в это поверить невозможно!"

"Как-то чересчур безапелляционно... – попытался возражать Смагин. – Такое вполне возможно. И не только теоретически..."

"Но отчего-то раньше, – изогнулся Червь, – Президент в подобных поступках замечен не был"

Смагин выскочил из комнаты. В конце коридора плеснулась, исчезая за поворотом, тельняшка Нигеллы.

– Артурыч! погоди!

Нигелла был, как всегда, бодр и улыбочив.

– Ты чего такой? Расслабься! А то пойдем ко мне – поправимся. У меня со вчерашнего осталось.

Но Смагин его не слушал:

– Артурыч, этот гость твой, ну, с длинным таким лицом, он кто?

– Горемыкин. Работает у нас номер с пуделями.

– А туда, – Смагин показал на потолок, – в президентские круги он не вхож?

Нигелла хохотнул.

– Горемыкин-то? Думаю, еще нет. Вот когда со слонами работать начнет... Что с тобой, Алексей?

– Помнишь, он вчера сказал, что нужно Генеральным про-

курором назначить иностранца? Так вот. Сейчас в «Новостях» сказали, что Президент подписал соответствующий указ! Этот Горемыкин как будто заранее все знал...

– Простое совпадение – не более того... И потом, это же не его идея, а какого-то журналиста. Который, может, и пронюхал о ней в тех самых, – Нигелла вскинул палец, – кругах, а потом выдал ее за свою. Логично?

Смагин прислушался: Червь Сомнения свернулся и зачих. Он повеселел. Заметив перемену в лице соседа, Нигелла улыбнулся:

– Что ты так всполошился?

– Да и сам не пойму...

– Может, зайдешь?

– Извини, Артуруч. Тороплюсь.

Стоило Смагину открыть свою дверь, как в глаза ему бросился... майор Насильников: телевизор, оставшийся работать, выдавал очередной сюрприз. Насильников понуро сидел в некотором отдалении от стола, за которым мужчина в синем мундире – прокурорский работник – что-то записывал.

Строгий закадровый голос вещал: "Сотрудниками Управления собственной безопасности раскрыта группа "оборотней в погонах". Ее возглавлял начальник одного из столичных подразделений милиции. В группу входила также и супруга главного «оборотня» – начальник паспортного стола..."

Вернувшись памятью во вчерашний вечер, Смагин отчетливо понял, что загадку Насильникова ему не разрешить: разум капитулировал перед ней. Пляшущий майор – оборотень, Генеральный прокурор иностранец... Нет, от всего этого явно пахло чертовщиной...

VII

Ему не пришлось долго ходить по вернисажу, чтобы понять: выставленные здесь работы, за редким исключением, рассчитаны на очень посредственный вкус.

Художники в ожидании покупателей мерзли, сбивались в кучки и "принимали на грудь".

Интересующихся было немного, покупателей – единицы.

В основном предлагались натюрморты и пейзажи. Однажды только Смагин набрел на табличку с надписью "Рисую портреты по фотографиям". Для наглядности рядом с черно-белой фотографией молодого офицера с множеством боевых наград, снявшегося, наверно, сразу после Победы, – радостного, счастливого и имевшего от этого несколько глуповатый вид, висел его же портрет маслом – со спокойным, мужественным лицом, что, видимо, должно было демонстрировать творческий подход художника к исполнению заказа. Сам же художник, как заметил Смагин, готовился согреться, наливая что-то из фляжки в складной стаканчик. Выпив, он приосанился, блеснул взором. Было самое время приступить к нему с расспросами о здешних порядках, ценах и прочем. Но Смагин не успел: он увидел... Олю Зубареву.

Она стояла напротив, возле работ художника – пейзажиста, явно собираясь одну из них приобрести. Ее сопровождала пара охранников. Но это были другие, не вчерашние

"лбы".

Пейзажист в предвкушении гонорара галантно кружил вокруг Ольги. Был он черноус, с бородкой и бархатной бабочкой, торчавшей из-за ворота плаща.

– Автор этих работ перед вами, – мягко басил он. – Солнечное, радостное состояние души перенес я на эти полотна...

Полотна представляли собой изображение белых березок на фоне голубенького неба.

Подобной дряни здесь хватало. Очевидно, Ольга совсем не разбиралась в живописи, а именно к этим картинам привлек ее внешний вид пейзажиста.

– Сколько вы хотите вот за это полотно?

Ответ поразил Смагина.

– Ольга! Постой! – вырвалось у него.

Она резко повернулась, набычились охранники, помертвел пейзажист, зная, конечно, как пуглива удача. Ольга смотрела на Смагина напряженным взглядом и вдруг посветлела.

– Алеша?.. Смагин?...

– А вчера ты меня не узнала...

– Вчера? Разве мы виделись?

– Я тебе после расскажу. А сейчас послушай моего совета: если ты заплатишь половину – будет в самый раз.

Вообще-то Смагин уже успел пожалеть о том, что вмешался: ведь от Ольги не убудет, а пейзажисту на какое-то время – сытая жизнь... Но, с другой стороны, надо же тому и со-

весть иметь! Половины названной суммы "за глаза" хватит.

– Надеюсь, вы согласны? – посмотрел он в упор на "мастера пейзажа".

Тот мгновенно сообразил, что удача, хоть и помельче, все же идет ему в руки.

– Чем только не пожертвуешь ради хороших людей! Будь по-вашему! – скромно улыбнулся он, являя доброту сердца.

Ольга расплатилась, и они направились в выходу.

– Ловко ты с ним! Спасибо.

Она взяла Смагина под руку.

– Сегодня юбилей у одного человека. Два дня ломала голову: что подарить? Разные там запонки, кальяны, трубки, вазы – надоело. Решила вот картину купить.

Смагин поморщился.

– Зря, – возразила ему Ольга. – Юбилею точно понравится. Он ведь такой же ценитель искусства, как и я. Главное, теперь приобрести раму побогаче.

Ольга остановилась, внимательно посмотрела ему в лицо и, улыбнувшись, сказала:

– Раньше ты драчуном не был, – в глазах у нее метнулись чертики, – ты у нас по другой части... специализировался.

Смагин потупился.

– Не забыл, как на «физике» мне под юбку лазил?

– Да ты, вроде, не возражала...

– Гад ты, Смагин, – обиделась Ольга, будто сегодня был обычный день их школьной поры.

Помолчав, добавила:

– И хорошо, что тебя отдубасили.

– Между прочим, твои «опричники» постарались... Вчере-ра...

– Постой, постой, – догадалась Ольга и рассмеялась. – Так это был ты?!

– Ну, я. И ничего смешного.

– Услышал Бог мои молитвы!

– Оля! За что?! – опешил Смагин.

– Ты расскажи лучше, куда после выпускного вечера сгинул?!

– Да что уж теперь... Столько воды утекло.

Ольга снова взяла Смагина под руку, и они пошли дальше.

– Ты прав. Воды утекло много. У тебя-то как? Не очень?

– Не очень, – подтвердил Смагин. – А у тебя, кажется, все получилось.

– Да. В общем, я в порядке.

VIII

В детстве Олечка Зубарева была толстухой. Это оттого, что она всегда слушалась старших и, следовательно, хорошо ела.

Сверстники не уставали зубоскалить по ее адресу – известно, как жестоки бывают дети. Радикальные перемены произошли в первом классе после того, как Олечка огрела Мишу Глотова, назвавшего ее «коровой», портфелем по голове. От кого-нибудь другого Олечка стерпела бы обиду, но Миша ей нравился, а потому простить его она не могла. То, что Миша ничего не знал о ее чувствах, оправданием служить ему не могло, потому что, как подсказывала Олечке интуиция, если бы он знал, то обозвал бы еще обиднее. В общем, не за просто так Миша рухнул на пол с сотрясением мозга.

Случился большой скандал (который впоследствии все же удалось замять). Олечка сильно переживала. Она почти не ела и совсем не слушалась старших. Через некоторое время Олечку невозможно было узнать: она очень похудела, а в характере ее прорезались такие черты, как своенравие, упрямство. Дети перестали ее дразнить и начали побаиваться. А несчастный Глотов навсегда, то есть до окончания школы, лишился Олиного расположения. Через несколько лет, когда Олечка расцветет и от нее пленительного запахнет женщи-

ной, он об этом пожалеет...

Как раз в ту пору в их 10-м классе появился Смагин, переведенный из другой школы. Его посадили рядом со строптивой Ольгой, которая сразу же обозначила его половину парты, проведя границу совсем не посередине. Ничего особенного, на ее взгляд, Смагин собою не представлял: русоволосый, сероглазый, среднего роста. Правда, дед у него был академиком. Да сам он борьбой какой-то занимался. "Оттого, наверно, такой спокойный. Даже наглый – все время границу нарушает!" – возмущалась она про себя, но, странное дело, никакого возмущения не испытывала.

Чтобы вывести его из себя, Оле пришлось развернуть весь арсенал средств, накопленных в недавнем детстве. Безрезультатно.

Однажды, когда шел урок, она написала на форзаце его учебника по физике: "Милый Алеша! Помни свою ласковую соседку и пусть по ночам тебе снятся жабы!"

Смагин прочитал, улыбнулся, положил ей руку на колено и сказал:

– Оль, да хватит тебе...

Какой-то восторженный испуг толкнулся ей в сердце, оно забилось горячо, сладко замирая на вдохе, и не было сил, чтобы отвести в сторону его ладонь.

Потом Смагин все чаще и чаще клал ей руку на колено, осторожно скользя вверх по бедру. Оля таяла, почти теряла сознание. Ей было и страшно, и стыдно, и невыразимо хоро-

шо. Она давно призналась себе, что втрескалась в Смагина, как последняя дура. И все ждала, когда же он, наконец, заговорит о происходящем.

Но Смагин молчал.

"Лапает девушку, сволочь... Как будто так и надо!" – злилась Оля.

Не дождалась она от Смагина ни признаний в любви, ни дальнейшего развития их странных отношений.

Сразу после окончания школы Смагин пропал. Оля прожила две мучительных недели, в течение которых только того и желала, чтобы он пришел, или позвонил, или чтоб его, гада, где-нибудь побили, и чтоб счастья ему вовек не видать, и чтоб...

Изведясь вконец, она позвонила Смагину и узнала, что его забрали в армию. Этому верилось с трудом, поскольку Смагин должен был поступать – и поступил бы наверняка! – в Строгановку.

Что оставалось бедной Оле? Ждать от Смагина писем? Или обидеться, не поверив в про армию? (А между тем, Смагина, и в самом деле, призвали. Восемнадцать ему исполнилось в начале июня, и наутро после выпускного вечера получил он повестку из военкомата. Подсказать Смагину, как поступить, было некому: дед и бабушка на даче, родители в командировке, а потому оказался он на призывном пункте.) Оля была в смятении. Благо, пришло время вступительных экзаменов в институт.

Абитуриентские страсти не оставили и следа от уныния и растерянности, а наступившая затем студенческая пора вернула ей и вкус, и радость жизни.

За Гену Мальцева Оля вышла замуж, когда они учились на пятом курсе. Конечно, она понимала, что выбор ее не совсем бескорыстен – наличие свекра – министра сулило множество выгод, – но старалась об этом не думать, тем более что Гена был и умен, и добр, и мил.

Куда только все подевалось через пару лет? Гена стал груб, много пил, таскался по приятелям. Поначалу Оля хотела уйти от него с полуторогодовалым сыном к маме и бабушке, но, представив, какой ад ожидает их в коммуналке, приняла другое решение.

Однажды, когда Гена пропадал неизвестно где, Оля вызвала жэковского слесаря, и тот поменял замки на входной двери их кооперативной, подаренной свекром, квартиры. Так была поставлена точка в совместной с Геной Мальцевым жизни. Кстати, Оля осталась навсегда благодарна бывшему свекру, который, помня о внуке, не стал ничего предпринимать.

Вторым Олиным мужем стал Максим Давидович Буряк – человек немолодой и обеспеченный. Оля догадывалась, что занимался он деятельностью не совсем законной, но это никак не омрачало ее существования: она была любима, ни в чем не нуждалась и даже обладала некоторой личной свободой.

К сожалению, Максим Давидович безвременно пал от руки киллера, как и многие из тех, о ком говорят: "Живут хорошо, но мало..." Впрочем, не случись с ним этого несчастья, его подстерегла бы другая беда: арест с конфискацией имущества.

После того, как стало известно о втором варианте развития событий, вдове показалось, что горе ее не так уж безутешно.

Оказавшись обладательницей приличного состояния, Оля, тем не менее, не сидела сложа руки. А началось все с того, что она откликнулась на кое-какое предложение партнеров покойного мужа. Участвуя в его реализации, Оля неожиданно обнаружила в себе талант деловой женщины. Вскоре партнеры были подмяты, а потом и выброшены ею из дела – жестко, по-мужски. Действуя столь же решительно, Оля быстро вошла в силу. Ее начали побаиваться. Словом, опять она стала такой, как когда-то – после расправы над Мишей Готовым. Впрочем, как и когда-то, сердцу ее суждено было смягчиться.

Они увиделись впервые на деловой встрече. Итальянец сразу понравился ей – статный, элегантный. К тому же был он богат и носил графский титул. Через полгода они поженились, но каждый остался жить в своей стране. Они встречались раз в месяц – полтора, и это вполне их устраивало, поскольку в подобных отношениях начисто отсутствовала всеотравляющая проза жизни, но были накал и свежесть чувств.

Потребности же видится каждый день они не испытывали. Такая вот любовь...

Кстати, с сыном, который учился, как и заведено у богатых людей, за границей, она тоже виделась не часто.

Из всех родных и близких рядом оставалась только мама. Они жили вдвоем, на старом месте: Оля давно выкупила родную коммуналку, расселив соседей.

Жизнью своей она была совершенно довольна.

– Все-таки, куда ты подевался после выпускного?

– В армию загремел. Мне тогда уже восемнадцать было: я ведь из-за болезни пошел учиться с восьми лет. В общем, на следующий день после выпускного получил повестку.

– Да, как-то у тебя сразу не заладилось...

– Знаешь, ты не права. В том, что я отслужил в армии, ничего плохого нет. А потом я учился, стал художником. И, кажется, неплохим.

– Слушай, а давай я тебя сведу со своими знакомыми. Люди они состоятельные, будешь их портреты писать...

Чем-то наивным повеяло от этого предложения, будто бы все ее окружение только и мечтало обзавестись портретами кисти художника Смагина. А с другой стороны...

Смагин улыбнулся:

– Чем черт не шутит. Давай попробуем.

IX

Напрасно Смагин опасался, что из Олиного предложения ничего не выйдет.

Вышло! Да еще как!

Она великолепно все устроила, поведав в кругу своих знакомых – между прочим – что один из лучших современных портретистов ее одноклассник.

(Как?! Вы не знаете Смагина?! Да Глазунов и Шилов – вчерашний день!!)

Уловка удалась, поскольку любовь к обладанию прекрасным у этой публики никогда не дремлет.

(Я, конечно, попрошу Алешу... Но не знаю... Он так занят...)

И Смагин заработал!

С жадностью человека, истосковавшегося по любимому делу, писал он эти невзрачные, тусклые лица, возвышая и просветляя их, сколько было возможно, чтобы не утратилась узнаваемость черт. Эти «льстивые» портреты имели большой успех и приносили Смагину хорошие гонорары.

Словом, живи, Алексей, и радуйся! Однако...

Соприкоснувшись с новым для себя миром, он воочию убедился в том, о чем не раз слышал или читал, но во что не очень-то верил: мир этот существовал на другой планете. Совсем не той, на которой пребывало остальное население

страны.

Общими для обоих миров оставались только законы физики, да и они действовали на той планете лишь потому, что было неизвестно, кому заплатить, чтобы поменять их на более комфортные (когда, например, можно плевать против ветра или не тонуть в воде). Бред, конечно, но именно подобные мысли приходили Смагину на ум. Особенно угнетало, что сутью своей люди с той планеты были мелки и порочны, отчего их могущество воспринималось как торжество Зла.

Мучило Смагина и другое: Лера исчезла. Точнее, она так и не появилась больше. Ему бы не думать о ней, так нет же: с каждым днем он все чаще вспоминал их встречу и ничего поделать с собой не мог.

Вот и сейчас, изображая на парадном портрете банкира Свистунова какой-то церковный орден, Смагин думал о Лере.

Свистунов позировал, сидя в старинном кресле, во фраке, белой манишке и бабочке. Раздалась трель мобильного, лежавшего у него в руке.

– Да! Ну, привет, Акимыч! Он отвел трубку в сторону:

– Алексей, давайте прервемся...

Смагин присел на стул и погрузился в мысли о Лере. Из раздумий вывело его произнесенное Свистуновым имя – дель Рондо.

– Этот прокурор хренов еще устроит нам небо в алмазах! – почти кричал банкир. – Под меня уже всю рое!

Будь спокоен, скоро и до тебя доберется! Что? Да не берет он, тебе говорю... Ни сам, ни подчиненные. Выгнал он тех, кто брал!...

Свистунов умолк, слушая Акимыча, а потом сказал:

– Это мысль. Через правительство нужно действовать. Хотя бы через Мишку Вихрова, я его давно прикормил.

Михаил Вихров был тем самым министром, который недавно публично (благодаря телевидению) врал Президенту о росте доходов населения и подъеме экономики страны.

Смагин совершенно не удивился услышанному.

Поразило другое: Свистунов вел конфиденциальный разговор в его присутствии – то ли признавая за своего, то ли считая пустым местом. И первое, и второе было одинаково неприятно.

Словно угадав мысли Смагина, Свистунов отстранился от мобильного:

– Продолжим после. Мой секретарь позвонит на следующей неделе. Вас устроит?

Смагин кивнул. Значит ни то, ни другое. А неприятно все равно.

Ночью ему опять приснилось, будто бы он – Президент. В его кабинет заходит министр Вихров, садится напротив и раскрывает папку с золотым теснением "На доклад Президенту".

– Виктор Викторович, – начинает он. – Не имею права больше молчать. Ко мне как к министру обращаются

представители крупного бизнеса, промышленных кругов с нареканиями в адрес нового Генерального прокурора. Вот здесь, – кивает он на папку, – список тех из них, кто особенно, так сказать, пострадал от его действий. На сегодняшний день они практически лишены возможности работать.

Вихров говорит без робости, и глаза его на сей раз не постреливают по сторонам.

– А скажите, Михаил Владимирович, как, по-вашему: вор должен сидеть в тюрьме? – перебивает его Смагин – президент.

– Виктор Викторович! В данном случае мы говорим о национальной элите! При чем здесь воры?!

– А скажите, банкир Свистунов в вашем списке значится?

– Разумеется, – подтверждает министр, и у него неожиданно западает правый глаз.

– Я так и знал, – говорит Президент и протягивает руку к папке. – Дайте-ка мне ваш листок.

Смагин – президент читает список: сплошь фамилии людей, которые у всех на слуху, благодаря их капиталам.

– Национальная элита, говорите?

Смагин чувствует, как подступает злость, и вдруг он кричит, не в силах сдержаться:

– Да ворье одно!

Министр, совершенно окосев, застывает истуканом.

– Вот что, Вихров, я отправляю вас в отставку. И поверьте, Генеральный прокурор изучит вашу деятельность также

внимательно, как и ваших друзей из этого списка. Прощайте.

Вихров встает и пепельно-серый выходит из кабинета, забыв папку.

Смагину становится легко, даже весело от ощущения, будто он только что вырвался на свободу.

В кабинете появляется поджарый, высокий мужчина. Это Сидоров – премьер-министр.

– Виктор Викторович! Витя! (Смагин знает, что премьер – давний друг Президента.) Так нельзя! Вихров – один из лучших министров, высокий профессионал...

– Хватит, Вадим, – перебивает его Президент. – Жулик он – и это главное. У тебя вообще две трети правительства – пройдохи. Они же элементарно – полезных для страны вещей не делают! Потому что им это не выгодно, а значит неинтересно. Зато придумать, как народ обобрать, они большие мастера, высокие профессионалы, как ты выражаешься.

– Виктор, ты просто газет начитался. Президент не должен составлять мнение на основе газетных статей. У него для этого есть другие источники...

– А ты не учи меня, Вадим, – осекает его Смагин.

Сидоров удивленно смотрит на Президента и краснеет.

– И вообще, тебе давно пора усвоить, что в этом кабинете у нас с тобой исключительно служебные отношения.

– В таком случае, разрешите идти? – вытягивается по стойке «смирно» Сидоров.

– Прежде, чем вы уйдете, – жестко произносит Смагин, –

хочу сообщить: считаю, что назрел правительственный кризис, со всеми вытекающими последствиями.

Сидоров по-военному поворачивается и бросает:

– Смотри, Витя, один останешься!

Как же Смагину хорошо! Жаль только, что все это – сон!

Входит Ляпунов – спикер парламента.

Всегда – и теперь тоже – Смагина удивлял его перепуганный вид. На таком посту выглядеть подобным образом было просто неприлично.

– Проходите, садитесь, дорогой Леонид Александрович, – мягко произносит Смагин. – Поведайте, над чем работает нижняя палата.

Ляпунов собрался уж было открыть рот, когда Смагину пришло на ум пошутить:

– Все спросить забываю, вы уже обсудили закон об одностороннем движении пешеходов?

Тревожный, непонимающий взгляд упирается в Президента.

– Ну как же... Чтобы жители крупных городов двигались по улицам только в одном направлении. По примеру автомобильного движения в центре Москвы.

– Понимаю... понимаю... – бормочет спикер, записывая что-то в блокнот.

– Слушайте, – становится серьезным Смагин, – ну почему бы вам не разработать какой-нибудь действительно полезный закон. Вот вы с налогами все мудрите.

Смагин вошел в раж и решил изложить давнюю свою идею:

– Вы отмените из них самые бестолковые и введете налог на армию. Понимаете? Чтобы в кратчайшие сроки сформировать контрактные Вооруженные Силы. Уверяю, этот налог граждане будут платить с удовольствием!

– Понимаю, понимаю, – бормочет спикер.

Под это бормотание Смагин просыпается.

Да... Хороший был сон!

Х

– Артуруч! – Смагин постучал в дверь. – Можно?

– Входи, входи, Алексей.

Нигелла сидел на диване, в очках и читал брошюру. Смагин остолбенел, увидев ее название: "Речь Генерального секретаря ЦК КПСС т. Л. И. Брежнева на XVIII съезде ВЛКСМ".

– Артуруч, ты что? Заболел?

– Нет, – спокойно ответил Нигелла. – Просто ностальгирую.

Смагин в замешательстве протянул:

– А... Ну да...

– Проходи. Вон стул.

Смагин сел и спросил прямо, без уловок:

– Ты знаешь, как Леру найти?

Артуруч не удивился.

– Знаю. Она работает в Сретенском переулке, в здании Интуриста. Фамилия у нее замечательная – Улыбина, легко найдешь.

Нигелла замолчал, уставясь в окно, за которым шел редкий крупный снег.

– Спасибо. Ты больше ничего не добавишь?

– Нет.

Он открыл брошюру и продолжил чтение.

Смагин тихо вышел.

Уже отсинели ранние декабрьские сумерки, но фонари еще почему-то не зажглись, и в переулке светло было лишь напротив огромных окон первого этажа Интуриста.

Смагин увидел ее сразу же – в крайнем из них. Она сидела одна в просторной комнате. Отвернувшись от монитора компьютера, Лера задумчиво смотрела на улицу и совсем не обращала внимания на прохожих, которые взглядами то и дело останавливались на печальной женщине в окне. Что-то щемящее было в этой ее отрешенности от людей...

Смагин подошел вплотную к стеклу, приложил ладонь. Лера насторожилась, сдвинула брови и вдруг – словно от нечаянной радости, вспыхнула улыбкой. Хотела встать, но осеклась, передумала... Лера сидела со светлым, неостывшим от улыбки лицом и нежными глазами смотрела на Смагина. Ему показалось, что прошло немало времени, прежде чем она резко поднялась и торопливо вышла.

Из подъезда она выбежала в расстегнутом пальто, с непокрытой головой и в шаге от Смагина замерла – только ресницы вздрагивали от падавшего снега.

Смагин шагнул к ней, обнял.

– Все-таки ты меня нашел, – выдохнула она.

Смагин начал застегивать пуговицы на ее пальто.

– Куда же ты исчезла?

– Я загадала: если не найдешь, значит судьба против нас.

Так тому и быть! А сама все думала, думала о тебе... Глупая,

правда?

– Смотри, снег как повалил! Где твоя шапка?

Лера рассмеялась:

– Да вот же капюшон!

– Это я глупый. Мне не ждать тебя нужно было, а искать!... Хорошо хоть догадался, у кого о тебе спросить.

– У Альберта Артуровича?

– У него... Ты свободна сейчас?

– Нет, что ты, мы до шести работаем. Я на минуточку выскочила.

– Тогда встретимся в шесть?

– Конечно. Осталось недолго.

Она улыбнулась и побежала к подъезду.

В тот вечер они долго бродили, разговаривали, молчали.

Время от времени воздух наполнялся хлопьями снега, которые оседали медленно, как взвесь. Снегопад обвел контуры предметов белой толстой линией, отчего все вокруг как бы укрупнилось, распухло.

Смагин и Лера прошли бульварами, свернули в сад "Эрмитаж".

Они стояли на аллее, целовались. Смагин видел, что у Леры от мокрого снега потекла тушь с ресниц, но молчал. Сейчас он чувствовал себя абсолютно счастливым человеком и ничего, даже самую малость, не хотел менять. Горечи подмешивало только осознание того, что Лера несвободна.

Она познакомилась с Николаем, когда еще училась в ин-

ституте. Он же был, хоть и молодой, но уже состоявшийся артист цирка. Николай ей очень понравился: красивый, сильный – настоящий мужик! Вскоре он предложил ей пожениться, и Лера сразу согласилась. Конечно, она поступала опрометчиво, но слишком велико было желание поскорее уйти из дома, Дело в том, что ее отношения с отчимом стали хуже некуда, да и с матерью не ладилось... В общем, известная ситуация.

Пожились они летом, и все как будто было ничего, даже интересно: гастроли цирка, разные города, новые люди... А потом наступила осень, они вернулись в Москву и остались друг с другом наедине. Вот тогда-то Лера поняла, что он – совершенно чужой ей человек. Нет, Николай был заботливым, внимательным, но – не родным. Лера почувствовала, как поднимается в ней что-то нехорошее, злое к этому ни в чем не повинному человеку. Она ушла. И несколько дней жила у подруги, пока Николай не отыскал ее. Он стоял перед ней на коленях и рыдал. Большой, сильный мужчина. Ей было его жалко. Конечно, она вернулась...

А со временем... со временем хоть и не слюбилось, но стерпелось...

Однажды, 31 декабря, Лера припозднилась с работы: отмечали, как водится, наступающий праздник. Николай был в ярости от того, что она задержалась и не успеет теперь накрыть новогодний стол. Он распалялся больше и больше и, когда Лера сказала, что все успеет и незачем так кричать, –

дал ей пощечину.

Потом Николай опять стоял на коленях и умолял простить его. Лера снова жалела его, но как-то без боли, без души, которую сковало неведомым ей ранее холодным покоем...

Она накрыла стол, пришли соседи. Все веселились, танцевали, а застывшая душа ее все никак не могла отмереть. Такой и осталась она.

Внешне отношения с мужем были прежними, но Лера начала изменять ему. Она стыдилась этого, но не потому, что обманывала Николая, а потому, что изменяла вообще – как бесчестный человек. Со временем Лера присмотрелась к подругам и поняла, что как она, живут многие, только со спокойной совестью.

– Главное, Лерка, для женщины – дом, очаг. А мужик на стороне... так... отдушина...

Лера недоумевала. Получалось, что семья – тяжкий крест. Любовник же – награда за лишения. А еще... Не было у нее того, из-за чего дом, очаг становятся главными в жизни – детей.

И почему продолжала она жить с мужем – не знала и сама.

– Ну так уйди от него! – Смагин был резок. – Раз не любишь – уйди!

– Не торопи меня, Алеша. Мне кажется, что я только-только начинаю освобождаться от какого-то долгого сна или выздоравливать после болезни. Все это благодаря нашей встрече. Ты чудный, необыкновенный...

Лера клала руки Смагину на плечи.

– Но все-таки не торопи меня...

Она подносила к нему губы, и Смагин умирал от счастья...

XI

Лера позвонила утром, когда Смагин собирался на сеанс к очередному олигарху.

– Я ушла к тебе, – сказала она, и Смагин все понял.

– Ты сейчас на работе?

– Да. Приходи в шесть. Заберешь меня и мой чемодан.

– Он все знает?

– Знает.

– И что?

– То плачет, то обещает убить нас обоих.

– Да... Ему не позавидуешь...

– Не позавидуешь... Но с сегодняшнего дня начинается другая жизнь. Как у всей страны.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты разве не знаешь? Президент отправил правительство в отставку.

У Смагина промелькнула мысль, что его недавний сон был как раз об этом, но только промелькнула, исчезнув в набежавшей волне радости.

– Лерка! Солнце мое! Вечером мы устроим пир горой!

Смагин быстрым шагом шел к метро. "Первым делом нужно купить машину, – воодушевленно строил он планы. – Потом присмотреть за городом участок с домом – средства, слава Богу! позволяют. Потом..."

Смагин размышлял так сосредоточенно, что не видел обращенных на него недоуменных взоров прохожих. Из этого состояния его вывел милицейский сержант. Он заступил Смагину путь и, добродушно улыбаясь, спросил:

– Нарушаем?

– Что случилось? – опешил Смагин.

Из стоявшей рядом патрульной машины вышел еще один милиционер.

– Слышь, Михалыч, может, хватит? Их и так сажать некуда.

– Ладно, это последний.

Теперь только Смагин заметил неподалеку от патрульной машины «Газель» канареечного цвета, которая от обычной маршрутки отличалась лишь надписями «милиция» по бокам.

– Да в чем дело?! Объясните, наконец! – возмущался Смагин, пока вели его к "канарейке".

– Иди, иди, в отделении тебе все объяснят, – лениво подталкивал его Михалыч.

"Канарейка", действительно, была переполнена. Самые «везучие» сидели, остальные стояли сгорбившись, будто калялись. Смагин догадался, что все присутствующие – жертвы какого-то милицейского рейда.

– Братцы! – душевно обратился он к народу, чувствуя себя не новичком в деле противостояния властям. – За что хоть задержали?

– За то, что телевизор не смотришь.

– Как это?

– А вот так! С сегодняшнего дня действует закон об одностороннем движении. Небось не слыхал о таком?

Смагину стало не по себе.

– Да нет, слыхал...

– А чего ж тогда нарушаешь? Мы-то ладно, не в курсе были...

Но Смагин уже не реагировал на окружающих. Он замер перед только что совершенным открытием: сны его – вещи! Даже, скорее, не вещи, а изменяющие реальность! Через того единственного человека, от которого все в этой стране зависит. "Назначение Генерального прокурора, отставка правительства, закон об одностороннем движении (уму непостижимо, какие идиоты сидят в парламенте!) – разве мало подтверждений? Да вот, хотя бы еще одно..."

– Братцы! – снова обратился он к народу. – А о законе этом вчера объявили? Когда и про новый налог?

– Ну да, говорят, вчера...

– А налог, кстати, толковый. Пускай в армии служат контрактники, а не студенты. "Так и есть", – с горечью подумал Смагин. Надежды на то, что он ошибается, больше не было. Ну и зачем ему эта власть?! Ведь он обычный человек, никто президентом его не избирал... Что же делать??

В тяжелом раздумье подъезжал он к воротам с барельефом "Свободень от постоя". Ему было ясно только одно:

нужно срочно спасти страну от нового закона. Для чего необходимо заснуть. Но где? Когда?

Знакомым Смагину маршрутом задержанных привели в «дежурку». Когда всех построили, появился Хохлачев, уже капитан. Очевидно, он теперь был начальником. ("Вот ведь еще одна загадка", – поморщился Смагин, вспоминая Насильникова.)

– Молодец, сержант! – похвалил Хохлачев старшего патруля. – Но для полного ажюра – еще пару ездов. А ты, Чибисов, – повернулся он к дежурному, молодому лейтенанту в фуражке с высокой тульей, – давай всех в «обезьянник» на оформление... И не возмущаться!... – прикрикнул он на задержанных, хоть те и молчали.

В «обезьяннике» Смагин устроился на скамейке в самом углу и закрыл глаза. Было тихо, только доносился негромкий звук телевизора, работавшего на столе у дежурного.

Народ безмолвно ждал своей участи.

– Уважаемые депутаты! Первоочередной для правительства задачей будет...

"Новый премьер-министр в парламенте выступает", – догадался Смагин.

– ... будет возвращение в лоно государства базовых отраслей экономики, отданных в свое время на откуп отдельным гражданам, которые за более чем десятилетний срок хозяйствования добились только одного – несметно обогатились...

– Давно пора! – вполголоса одобрил кто-то из сидельцев.

– Соответствующие законодательные инициативы правительство внесет на ваше рассмотрение в ближайшее время...

"Молодец! – порадовался Смагин. – Интересно, кто он такой?.. Однако, стоп! Не отвлекаться!"

Как-то неожиданно легко оказался он в преддверии сна, но в ухо вполз чей-то шепот.

– Извините, ради Бога! Я заметил вас еще в машине. Вы человек опытный...

Смагин открыл глаза. К нему обращался сосед – неизвестного возраста мужчина в старомодном пальто с каракулевым воротником.

– Скажите, почему они не начинают нас оформлять?

"Черт!" – ругнулся про себя Смагин, почувствовав, что сон мгновенно улетучился.

– А куда вы так торопитесь? – произнес он в раздражении. – Сидите себе и зрейте!

– Это как?

– Томитесь, мысли нехорошие думайте, страху на себя нагоняйте. Для этого время они и тянут.

– А скажите честно: нас будут бить? У них лица такие... недобрые...

– Вижу, вы почти созрели! – усмехнулся Смагин. – Самое время о расстреле подумать. А если серьезно, – не будьте ребенком! Нас всех отпустят после составления протокола об административном нарушении. И не паникуйте! А насчет

лиц... С другими лицами у них не служат...

Наступила пауза, которую оборвал какой-то шум. Возникнув в конце коридора, он стал приближаться. Вскоре на пороге дежурной части возникло два низкорослых сопящих милиционера. У обоих были исцарапаны лица, а между собой они пытались удержать... Олю Зубареву!

В роскошной шубе, статная, раскрасневшаяся, она яростно сопротивлялась и была необыкновенно хороша.

Оля толкнула одного из милиционеров в грудь. Он отлетел к стене, а второй, совершенно обессилив, отступил сам. Оказавшись свободной, Оля решительно направилась к дежурному.

– Гражданочка! – опасливо привстал он со своего места. – Предупреждаю: сопротивление работникам милиции – это уголовная статья!..

– Какого черта! – перебила его Оля. – Какого черта вы людей на улицах хватаете?! Совсем с ума посходили?!

Распахнув шубу, она села на стул.

– Позовите мне вашего начальника!

Лейтенант решил ситуацию не обострять.

– Вы успокойтесь, гражданочка, он с минуты на минуту появится. А людей мы не хватаем. Мы задерживаем только тех, кто нарушает закон об одностороннем движении.

– Дурдом какой-то! Одни кретины принимают идиотские законы, другие заставляют их исполнять... Вам делать больше нечего? Вы уже всех бандитов переловили?

– Да не нервничайте вы так! Скоро товарищ капитан придет и во всем разберется.

Ольга промолчала, лишь остро сверкнул ее глаз, когда она прикуривала сигарету.

На фоне приглушенного звука телевизора опять установилась тишина.

Новости закончились, передавали прогноз погоды. Как всегда, ввали и, как всегда, пытались сделать публику соучастницей своего вранья. (Фото из космоса мы вам показывали? Показывали! Видели на снимке антициклон? Видели! Значит, должно было потеплеть! Мы же с вами каждый раз ликбез по температурным фронтам и зонам высокого давления проводим! Ну, и кто же виноват, что этот антициклон унесло к чертовой матери и наступил холод?!)

Потом начался обзор происшествий.

– В доме N 70 по проезду Шокальского произошло возгорание квартиры, – бодро звучал голос за кадром. – Проживавшая в квартире пенсионерка девяноста двух лет после злоупотребления спиртными напитками закурила в постели, в результате чего произошло возгорание ватного одеяла. Пострадавшая доставлена в приемное отделение Института скорой помощи имени Склифосовского.

Смагин слушал вполуха, раздумывая: окликнуть Олю или нет, как вдруг прозвучала знакомая фамилия.

– Известный банкир Свистунов, против которого возбуждено уголовное дело по обвинению в мошенничестве, сего-

дня не явился на очередной допрос в прокуратуру. Если вам известно о местонахождении гражданина Свистунова, чью фотографию мы сейчас показываем, просьба сообщить по телефону...

Смагин увидел, что Оля насторожилась, но вопрос, который она задала дежурному, оказался совсем неожиданным:

– Послушайте, а почему «капитан»? Ведь Насильников – майор.

Дежурный опешил.

– Насильников?!

– Ну да. Ведь он же ваш начальник?

– Никак нет. У нас начальник – капитан Хохлачев. А Насильников – "оборотень в погонах", сейчас он под следствием.

– Тогда кому же я деньги плачу? – простодушно удивилась Оля.

С окончанием этой фразы (случается же такое!) в дверях появился Хохлачев.

– Да вот же он! – воскликнула Оля, и по лицу Хохлачева стало видно, что тот все понял.

– Вот кто за спонсорскими взносами каждый месяц ходит!

Оля встала и двинулась на Хохлачева.

– От Насильникова, говоришь? Ну, прохиндей! Обвел дуру вокруг пальца!

– Да вы что? Я вас впервые вижу!

Не случись разоблачения прилюдно, Хохлачев что-нибудь

придумал бы... А так...

– Гражданка, сядьте! – строго приказал он и, видя, что Оля не останавливается, перешел на крик:

– Чибисов! Изолируйте эту ненормальную!

Наступая, Оля держала сумочку в поднятой руке, Хохлачев пятился, а Чибисов и милиционеры стояли столбами, оцепенело взирая на происходящее.

В «обезьяннике» заволновался народ. Потускнели лампы – так перед ненастьем меркнет свет, воздух стал погрозовому тяжел, и тогда... зазвучал Государственный гимн!

Все замерли, повернувшись на звуки музыки: поджарый сиделец в лыжной шапочке суетливо пытался откинуть крышку своего ожившего мобильного. Наконец, он поднес трубку к уху и через секунду изумленно вскинул брови:

– Хохлачева!

– Кто? – спросил капитан.

– Не знаю...

Хохлачев, поразмыслив, осторожно взял протянутый ему телефон.

– Слушаю...

Дальнейшее не повергло в шок только Смагина, поскольку при аналогичном действе он однажды уже присутствовал. Хохлачев, в отличие от Насильникова, сплясавшего матросский танец «Яблочко», проникновенно исполнил романс "Утро туманное". Закончив пение, капитан окинул всех грустным, со слезой взглядом и негромко произнес:

– Чибисов, выпускай всех...

За дверями отделения Смагин и Оля столкнулись нос к носу.

– Алеша! И ты здесь был?

– Был.

– Что все это значит?

– Ты имеешь в виду закон, который мы с тобой нарушили, или тенора Хохлачева?

– Конечно, певуна этого... Честно говоря, никак не могу в себя придти. Это что? Мгновенное помешательство? И кто ему позвонил? Леша, ты понимаешь хоть что-нибудь?!

– Конечно. Это, Олечка, обыкновенная чертовщина. В условиях идиотизма нашей жизни... Тебя-то как загребли? Ты, вроде, всегда с охраной...

– Да на минутку выскочила из машины... в аптеку... ну, в общем, понимаешь... Не с охраной же за этим идти. А аптека оказалась закрыта. Другая – за углом, метрах в пятидесяти. Вот по пути туда меня и схватили. Слушай, какой урод этот закон придумал?

Смагин виновато потупился:

– Его, думаю, не сегодня – завтра отменят.

Они почти дошли до улицы, когда в воротах появилась знакомая Смагину "канарейка".

– Леша, смотри! – схватила его за рукав Ольга.

В набитой битком машине распластанный лицом по стеклу ехал... Свистунов. Взгляд его был пуст, как у рыбы. Судя

по всему, банкир находился в прострации.

– А этого какими судьбами? – удивился Смагин. – Наверно, по розыску задержали.

Оля хмыкнула:

– Кажется, я догадываюсь, почему он здесь. У Свистунова офис недалеко от прокуратуры, на той же улице. Вот его и сцапали, когда он на допрос шел... Придурки... Наверняка кричал им, что в прокуратуру идет!

Оля помолчала.

– Знаешь, дела у Свистунова совсем неважные.

Этот новый Генеральный прокурор серьезно за него взялся. Да и вообще за всех нас. Так ты скоро без заказов останешься... Стой!

Они миновали уже ворота, перед ними была улица.

– Стоять-то по закону можно?

– Думаю, да, – ответил Смагин.

– А как надо идти? По часовой стрелке или против?

– Зачем же тебе идти? Вызови машину с охраной.

– Спасибо, надоумил... Я с этими козлами свой мобильник потеряла, а там все телефоны. Как ты догадываешься, наизусть я не помню ни одного номера.

– Ладно. Не переживай. А направление движения мы определим...

Смагин хотел сказать "по проходим", но осекся: прохожие отсутствовали. Ездили только автомобили – в соответствии с правилами, которые, к счастью, остались прежними.

– Народ! – крикнул Смагин следовавшим сзади подельникам. – Как ходить-то надо? По часовой или против?

Мнения разделились.

– Тогда, Ольга Викторовна, ловим тачку – и вперед! – подытожил Смагин.

В машине она неожиданно разрыдалась. Горько, безутешно.

– Прости, Алеша, – немного успокоясь, сказала Ольга. – Это все нервы.

Она отвернулась и долго смотрела в окно.

– Знаешь, я чувствую, что мне придется из страны уехать. И дело даже не в этом дель Рондо. Что-то там, на самом верху, сдвинулось, повернулось против нас, таких, как я...

– А разве это несправедливо? И разве...

– Молчи, я все понимаю. Нас не за что жалеть. Тем более, что нищета никому из нас не грозит. Но не хочу я жить в Италии. Я здесь, дома хочу жить...

Она снова отвернулась к окну, притихла.

– Оля, – осторожно позвал ее Смагин, – я тебе может быть, смогу помочь.

– Ты? – она грустно улыбнулась. – Ну что ты говоришь?

– Я ведь не только с олигархами знаком... В общем, это не твоя забота...

– Леша, Леша, – покачала она головой. – Добрая ты душа! Только я тертая, битая жизнью баба и в чудеса не верю.

– Напрасно, – возразил Смагин. – Чудеса иногда случают-

ся...

XII

Сна не было ни в одном глазу. Боязнь не услышать будильник и проспять встречу с Лерой сменилась другой напастью: память начала назойливо высвечивать картины сегодняшнего дня. В отчаянии Смагин открыл глаза. "А что, собственно, случится, если я сейчас не засну? – задался он вопросом. – Народ, конечно, жаль, но он особенно и не ропщет. Наверно, уже приспособливается, обживаетея в новых условиях... И не ведает страна, какое счастье на нее скоро свалится. А произойдет это немного раньше или позже, существенного значения не имеет". Подумав так, Смагин сразу заснул.

Как он того и желал, первым возник глава парламента Ляпунов. По обыкновению спикер выглядел так, будто только что нечаянно убил человека. Чтобы убедиться во вменяемости Ляпунова (а то ведь еще что-нибудь натворит), Смагин провел рукой перед его лицом. Тот адекватно проследовал за рукой взглядом.

– Леонид Алексеевич, я прошу выполнить со свойственной вам добросовестностью следующее. Записывайте в блокнот: первое – закон об одностороннем движении пешеходов немедленно отменить. Восклицательный знак. Второе – написать заявление о сложении с себя полномочий спикера парламента по собственному желанию. Точка. Если все ясно, то вы свободны. Это записывать не нужно.

Трудно сказать, осознал ли Ляпунов суть происшедшего. Вполне возможно, что и нет, поскольку он как ни в чем ни бывало закрыл блокнот и, приговаривая свое извечное "понимаю, понимаю", вышел.

А вскоре появился Карло дель Рондо, которого Смагин видел однажды по телевизору. Оказалось, что этот высокий черноволосый мужчина с закрученными усами сносно говорит по-русски.

А говорил прокурор о коррупции. Она давно уже въелась в уклад нашей жизни и никого не возмущает. Ее терпят так же беззлобно, как, например, пьянство или воровство... Словом, картина, нарисованная прокурором, была под стать кисти Сальвадора Дали, на которого он так походил. Смагин отчетливо увидел, как некое безобразное существо пространно раскинулось на древе российской жизни, из ветвей которого вытягивали глумливые рожицы еще какие-то преотвратные существа. Наверно, пьянство и воровство.

Когда же Смагин заглянул в прокурорский список, мурашки пробежали по его спине: там значилось практически все руководство государством.

– Что же будет со страной?! – растерянно спросил он.

– Вы президент, вам и посмотреть! – отчеканил дель Рондо.

Смагин ужасаясь пролистал еще раз список. В конце его он увидел Олину фамилию.

– Я должен знать, есть ли политическая воля на то, чтобы

привлечь этих лиц к ответственности?

– Вне всяких сомнений, – решительно ответил Смагин, – только вот...

Он почувствовал, что краснеет.

Дель Рондо приподнял брови.

– У вас тут значится Ольга Викторовна Зубарева. Это моя одноклассница... Вы меня понимаете?.. Мне думается, что я смогу повлиять на нее и так, без вмешательства прокуратуры.

Дель Рондо молча вычеркнул Ольгу из списка и поднял на Смагина спокойные темные глаза.

– Это все?

– Спасибо, господин прокурор.

Больше в этом сне ничего существенного не произошло. Правда, Смагину показалось, будто был еще разговор с помощником Президента. Тот рекомендовал ему пригласить для написания президентского портрета модного нынче художника... Смагина. Или не помощник говорил ему о Смагине, а он помощнику? Но зачем? И вообще, может это был сон во сне? "Господи! Как же надоело мне все это!" Смагину нестерпимо захотелось к Лере.

XIII

А Леры все не было. Уже опустело здание после рабочего дня, уже погасли большие окна на первом этаже. Сретенский переулок затих в полумраке.

Смагин не знал, что ему делать. Недоумение, тревога, отчаяние попеременно охватывали его.

В дверях подъезда появился невысокий плотный мужчина в очках. Смагин узнал в нем начальника отдела, в котором работала Лера. Знакомы они не были, просто Лера однажды показала его Смагину издалека.

– Простите, – шагнул он навстречу Лериному начальнику. – Улыбина сегодня вовремя ушла?

И тут же пояснил:

– Я ее знакомый. Мы договорились встретиться в шесть, а ее почему-то нет...

– Лера ушла сегодня в половине шестого.

– А не знаете куда?

– Сказала, что опаздывает на важную встречу.

– Извините за странный вопрос: она с чемоданом ушла?

– Нет, чемодан остался.

Окинув Смагина неодобрительным взглядом, мужчина спросил в свою очередь:

– Разве вы не в курсе ее семейных неурядиц? Вы же, как я понимаю, не просто знакомый?

Смагин замялся.

– Ну, ну, – сказал мужчина и, поправив очки, пошел дальше.

Смагин снова, в который раз! попытался дозвониться до Леры. Взглянув мельком на дисплей телефона, Смагин вдруг понял, что он – тупица! – находится вне зоны приема – передачи сигнала. Смагин торопливо зашагал в конец переулка, глядя все время на дисплей. Как только там появилась и стала прирастать черточками «антенна», раздался звонок.

– Ну, где же ты?! – услышал он взволнованный Лерин голос. – Я тебе 40 минут названиваю!

– Я у «Интуриста». Как и договаривались.

– У «Интуриста»? Ты же мне SMS-ку прислал: "Встречаемся в восемнадцать у ресторана "Союз"!"

– Я?... SMS-ку?... Ничего не понимаю...

– Ладно. Потом разберемся. Жду тебя у ресторана. Ты же обещал устроить пир горой!

Смагин мчался в Лере, ничего не замечая по сторонам. Только в конце пути он обратил внимание на то, что люди ходят, как им заблагорассудится. Это означало, что закон об одностороннем движении пешеходов больше не действовал.

– "Молодец! – похвалил он Ляпунова. – В исполнительности ему не откажешь".

Лера, заметив Смагина, помахала ему рукой и улыбнулась. Он опять подумал о том, насколько подходит ей ее фамилия.

Смагин обожал Лерину улыбку; мягкая, лучистая, от нее становилось радостно, как от заглянувшего в окно солнца.

Лера ждала его под медной табличкой с текстом: "Здесь, в ресторане «Союз», 7 ноября 199.. года проходила историческая встреча "без галстуков" президентов двух великих держав..." И Лера, и Смагин оказались в «Союзе» впервые. При входе стоял человек, одетый в военную форму с треугольниками в петлицах. Но удивило не это (все хорошо знали, что ресторан потому и назывался «Союз», что был стилизован в духе советского прошлого). Удивило присутствие огромного черного кота с белыми щеками, который располагался на банкетке неподалеку от «сержанта» Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Впрочем, был он настолько хорош – и статью, и выражением собственного достоинства в желтых, как месяц, глазах, – что вопрос о допустимости пребывания котов в учреждениях общепита исчез сам собой.

Лера и Смагин прошли в глубь ресторана. Каждый из залов соответствовал определенному периоду в истории СССР. Мебель, картины, другие атрибуты времени – все было тщательно подобранно. В зале сталинских пятилеток у Смагина чаще забило сердце: на одной из стен висел "Портрет ткачихи – стахановки Ульяны Кавардак" (разумеется, копия, поскольку подлинник кисти смагинского деда украшал комнатку внука). В этом зале Смагин и Лера решили остаться. Они заняли столик на двоих в стороне от сцены, увенчанной лозунгом: "Под знаменем Ленина-Сталина,

под водительством партии большевиков – вперед, к новым победам!"

Официантка, приветливая девушка в полосатой блузке и красной косынке, сообщила, приняв заказ, что скоро начнется концерт.

– Это новая программа. Ее сегодня в первый раз показывают.

– Похоже, мы не зря сюда пришли, – улыбнулся Смагин. – Только не пойму, кого за это благодарить?

Лера достала мобильный телефон.

– Вот, смотри...

На дисплее высветилось то самое SMS-сообщение. Под ним стояла буква "А".

– Я и решила, что это ты. «А» – Алексей.

– Знаешь, – сказал, подумав, Смагин, – ничего тут удивительного нет. Ведь не мы же одни собирались сегодня встретиться, а сбои в сотовых сетях не часто, но случаются.

– И потом, мне здесь нравится, – подытожила Лера.

Она начала рассказывать, как утром заинтриговала сослуживцев своим появлением с чемоданом. Как поодиночке подходили они к ней, чтобы узнать "зачем это?", и как Лера шепотом, якобы по секрету, отвечала: "Я от мужа ушла..." Новость эта возбуждающе подействовала на коллектив, который весь день пребывал в приподнятом настроении.

– Непросвещенным остался только Владлен Павлович: он принципиально сплетням не интересуется.

– Это ваш начальник? Ошибаешься! Он тоже в курсе.

Пока Смагин описывал свое стояние под окнами «Интуриста», официантка размещала заказанные блюда на столе. Вскоре картина, представшая перед Лерой и Смагиным, напоминала красочный разворот кулинарной книги "О вкусной и здоровой пище" издания периода культа личности, где на белоснежной скатерти теснились хрустальные блюда с красной и черной икрой, подносы с жареным поросенком и дичью, лотки с нарезкой из севрюги и лосося, высокие вазы со свисающим через край виноградом, коньяки и вина и золотое ведерко с шампанским. Конечно, на их столе было не совсем так, но похоже.

– Алеша! – изумилась Лера. – Мы же все это не осилим!

– Зато все попробуем!

Вечер был замечателен! Они болтали, пили коньяк, наслаждались деликатесами. И концертная программа их не слишком интересовала. А между тем, ведущий объявил:

– Сейчас со своими опытами перед вами выступит знаменитый граф Калиостро!

Лера машинально подняла взгляд и, широко раскрыв глаза, сказала:

– Алеша, обернись!

На сцене в черном фраке стоял Артуруч.

– Ну и что? – сказал Смагин. – Он мне сам говорил, что подрабатывает, где может: в цирке не так уж много платят.

Нигелла, как всегда, улыбался. Только это была не обыч-

ная его простодушная улыбка в блеске дешевых коронок, а тонкая, сдержанная, почти холодная. И еще непривычно было видеть его во фраке (Смагин усмехнулся, вспомнив извечную тельняшку Нигеллы); подтянутый, элегантный, он казался совсем другим человеком.

– Господа! – произнес Нигелла. Его мягкий баритон звучал глубже обычного.

– Опыты, которые я продемонстрирую сейчас, имеют важное научно-практическое значение и неопровержимо доказывают, что, воздействуя на некоторые параметры системы «пространство-время», возможно совершать путешествия в прошлое, то есть изменять последовательный порядок всего сущего в обратном от данной минуты направлении. Единственное ограничение состоит в том, что человека невозможно отправить дальше точки его рождения. Иными словами, никто из участников опыта не сможет оказаться, например, в эпохе правления египетских фараонов. Да это и не к чему. Опыты и без того чрезвычайно увлекательны и – самое главное! – совершенно безопасны! Итак, мне нужен один из вас в качестве участника эксперимента.

Долго ждать не пришлось. Объявилось сразу несколько добровольцев. Нигелла выбрал ближайшего к себе – крупного, рыхлого мужчину с потеющим лицом.

– Если не ошибаюсь, господин Колупаев? 1955 года рождения?

Волонтер оторопел.

– Как вы узнали?

– Поверьте, это не самое сложное в моей профессии. Итак, назовите любую дату в промежутке между вашим рождением и сегодняшним днем.

– Вчера, – продемонстрировал убогую фантазию Колупаев.

– Время?

– Два часа дня.

Люстры вдруг погасли, и в воздухе объемно высветилось просторное помещение с длинным столом, за которым сидели люди. Стол возглавлял Колупаев.

– Куда подевались средства на реконструкцию, мы хорошо знаем. Но не дай Бог, чтобы это узнала комиссия. Завтра она начинает работу...

– Все правильно! – взволнованно перебил самого себя Колупаев, и кабинет исчез. – Вчера я проводил совещание... Но это... Невероятно!

Он был ошеломлен. Как, впрочем, и все остальные.

– Что ж, продолжим, – спокойно сказал Нигелла и направился в зал.

Он подошел к лысому мужчине в дорогом костюме с крупным зеленым камнем на булавке для галстука.

Тот сидел, небрежно откинувшись на спинку стула, с двумя юными спутницами по сторонам. Недоверчивая ухмылка застыла на его слегка небритом, по последней моде, лице.

– Сударь, вам кажется все это ловким трюком?

Мужчина усмехнулся, сверкнув бриллиантом в зубе:

– Ну, кажется...

– А скажите, мы с вами знакомы?

– Я-то вас впервые вижу, а вот вы обо мне, наверно, кое-что разузнали... И фильм какой-нибудь сляпали... Как про этого – подсадного вашего...

– Ну что ж, поступим в таком случае вот как. Сейчас вы лично шагнете в прошлое, оставаясь здесь, с нами... Надеюсь, вернувшись, вы не станете утверждать, что проделанное вами путешествие – ловкий трюк. Итак... Пусть будет... 15 часов 20 февраля 1983 года!

Мужчина мгновенно выровнялся на стуле и, проведя ладонью по голове, заговорил:

– Гражданин начальник, вы же обещали досрочное освобождение. Мне иначе нельзя. Паханы уж начинают догадываться, что я ссученный. Гражданин начальник, мне ж кранты...

Речь его сопровождалась сценой в кабинете лагерного начальника с майорскими погонами.

– Прекратите это издевательство! – раздался гневный возглас.

Это возмутилась субтильная дама в очках из-за соседнего столика – личность, хорошо всем известная: отставная депутатша и яркая поборница либеральных ценностей. Она старательно придерживалась образа глубоко интеллигентной женщины, но иногда ее из образа выносило.

– Какого черта! Кто разрешил! – голосила она. Привыкли при коммунистах опыты на людях ставить! Развелось шарлатанов до хрена и больше! Я прекращу...

Нигелла не стал ее слушать дальше.

– А для вас, уважаемая, пусть наступит 14 часов 22 апреля 1980 года.

Дама вытянулась в струнку, на ее лице проступило выражение торжественности:

– Особенно дорого для меня то, что в члены КПСС я вступаю в этот знаменательный день, когда вся наша страна, все прогрессивное человечество отмечают 110-тую годовщину со дня рождения величайшего гения, основателя первого в мире государства рабочих и крестьян Владимира Ильича Ленина!

Слезы появляются у нее в глазах. Точно также, как и у некрасивой молодой женщины с тонкой шеей на голографическом изображении: она стоит перед столом, покрытым зеленой скатертью, за столом – члены райкома, над ними – портрет Генсека, по бокам – кумачовые знамена.

– Завершая наше приятное общение, – прервал Нигелла речь молодой коммунистки, – хочу предоставить каждому возможность убедиться в величайшей силе научного прогресса. Ибо чудес нет, но есть только знание законов Вселенной! Итак, пусть для всех наступит... полночь 1 января 1975 года!

Зал, казалось, не дышавший на протяжении всего выступ-

ления Нигеллы, взорвался:

– С Новым годом! С новым счастьем!

Гости повскакивали со своих мест. Даже те, кто родился после 1 января 1975 года, подчинились общему порыву. Зазвенели бокалы.

Только Лера и Смагин, видимо, случайно не подпав под действие нигелловых чар, продолжали сидеть в изумлении.

Впрочем, ничего случайного в этот вечер не происходило. Нигелла, улыбаясь, направился к их столику.

– Публика на утро обо всем забудет... А нам пора. Пойдемте, друзья, домой. Я уже расплатился.

Втроем, молча они вышли на улицу. Миновав перекресток, оказались в извилистом, плохо освещенном переулке. Нигелла шел впереди, весь в черном, почти сливаясь с ночью. Ветер время от времени взмахивал лапами его длинного расстегнутого пальто. С одним из взмахов он, как большая черная птица, исчез в темноте.

Лера и Смагин переглянулись, но не обмолвились ни словом, устав удивляться.

Дома Нигеллы не было. Решили ждать: ведь неспроста же он их позвал, да и деньги за ресторан вернуть нужно. Расположившись на диване, включили телевизор. Лера прислонилась головой к смагинскому плечу и сразу уснула. Он же через несколько минут заснул тоже.

Смагин очнулся от голоса будившего его Нигеллы. Тот был по-прежнему во фраке. Смагин, кивнув на Леру, поднес

палец к губам.

– Не беспокойся, – сказал Нигелла. – Она проспит до утра и так же, как люди из ресторана, не будет ничего помнить.

На недоуменный взгляд Смагина ответил:

– Так ей же будет спокойней. Помолчав, Нигелла продолжил:

– Я уезжаю, а потому настало время открыть разгадку тех странностей, которыми с некоторых пор наполнилась твоя жизнь. За всем стоит одно и то же лицо. Ты догадался, что это – я? Это со мной по телефону разговаривали Насильников и Хохлачев, это мое сообщение получила Лера... А твоя встреча с одноклассницей?.. Я выстраивал твою жизнь так, чтобы...

– Кто ты? – перебил его Смагин.

– Я? – улыбнулся Нигелла. – Ты же видел: я – граф Калиостро, маг и чародей. А еще – твой друг. Ты, наверно, знаешь, что у каждого из живущих на земле есть свой ангел-хранитель? Так вот: у тебя – нет, не я – твой дед! Мудрец! Насмешник!.. Старик просил, чтобы я приглядел за тобой. Почему бы не сделать ему приятное? Но не это главное. Главное, конечно, – твои сны.

Однажды во время дружеского застолья ты обмолвился, что все беды в вашей стране от того, что нет рядом с Президентом умных и честных людей. "Что ж, – подумал я, – дело поправимое". Через некоторое время я ввел тебя в президентский круг. В самый ближний. Ближе некуда. И, что осо-

бенно важно, – Нигелла усмехнулся, – ведь никто не подпишет! Однако, надевая тебя способностью проникать в сознание Президента, я забыл о главном: со временем он станет тобою, ты раздвоишься! Обернется ли это благом для тебя, для него, для вашей несчастной страны? Увы, не уверен. А потому, не лучше ли остановиться?

Смагин с готовностью кивнул:

– Я давно хочу этого.

– Тогда вот тебе средство. Нужно во сне посмотреть в зеркало, которое находится в президентском кабинете. Ты его никогда не видел, но оно есть – в угловом шкафчике, изнутри на створке. И помни: я не властен лишить тебя твоего дара. Только ты сам можешь отказаться от него... А теперь, прощай!

– Постой! Встреча с Лерой – это тоже ты?

– Нет, я тут не при чем.

Он пристально посмотрел на Смагина.

– Прощай же! Мне пора.

Нигелла исчез. И в ту же секунду Смагин провалился в сон, слепой и безмолвный, как небытие.

XIV

Ночью пришла весна. Смагин сразу понял это, проснувшись, – по звукам, которые заплывали с улицы. Еще вчера по-зимнему приглушенные, они сделались выпуклыми, яркими. И чирикание воробьев, и скрежет по асфальту дворничьей лопаты, и шум трамвая – все было непривычно звонко.

Лера уже встала и хлопотала над завтраком у стола. Смагин чмокнул ее в щеку и подошел к окну.

Светило солнце. Воздух над таявшими сугробами слоился и дрожал. Небо, словно вымытое, сияло голубой свежестью. Смагин распахнул форточку, и комнату наполнило ароматной прохладой, будто само небо просочилось внутрь. Подошла Лера, сзади обняла его. Они замерли у окна, замороженные этим торжеством весны, наступившим, как всегда, неожиданно.

Раздался телефонный звонок. Смагин снял трубку.

– Вам звонят из Администрации Президента. Мы хотим побеседовать с вами по важному вопросу. Сегодня в 13 часов вас будут ждать в бюро пропусков на Старой площади. И не забудьте паспорт.

Только теперь, связав этот звонок с последним своим сном, Смагин вспомнил все: и вчерашний день, и вечер в ресторане, и разговор с Нигеллой... Он оторопел, словно вошел в тупик. Разум отрицал всякую мистику, а внутренний

голос нашептывал: "Это правда... Верь..." Замкнутый круг с вопросом – изумлением в центре: "Неужели такое возможно?"

– Алексей, что-то ты бледный, – сказала Лера. – Я у тебя в аптечке «Алка-Зельтцер» нашла. На, выпей.

И улыбнулась:

– Нельзя коньяк с шампанским смешивать!

"А ведь она ничего не помнит, – отметил про себя Смагин. – Как Нигелла и обещал... Да... Когда же, наконец, этот кавардак закончится?!" В следующую секунду Смагин смущенно посмотрел на портрет знатной ткачихи. Та, показалось ему, улыбнулась, и Смагин вспомнил главное: ведь Нигелла открыл, как выбраться из этой круговерти. Он повеселел: скоро уж!

По пути на Старую площадь Смагин решил не отказываться от работы над портретом Президента. Ну и что из того, что он, кажется, сам же и предложил свою кандидатуру? Разве он плохой портретист? И разве ему безразлично будущее? От одного только приглашения к такой работе повышается статус художника. А у него теперь семья. Нужно о многом позаботиться. И на все, как ни крути, необходимы деньги.

Из бюро пропусков Смагина повели куда-то по коридорам и переходам. Администрация располагалась в обширном здании бывшего ЦК КПСС, и везде, на каждом этаже, за каждой дверью, ощущалась атмосфера напряженного труда. Смагин понял, как наивен он был полагая, что Админи-

страция Президента – это что-то наподобие канцелярии, где затачивают карандаши, заправляют авторучки и подшивают письма с обращениями граждан. Судя по выражению крайней озабоченности на лицах служащих, как раз такими пустяками они не занимались.

"Что же тогда они делают? Неужели думают за Президента? Или, точнее сказать, помогают думать... Но для этого вроде бы министры существуют. Кстати, у Правительства тоже есть какой-то «Аппарат». А там что делают?..."

Однако долго размышлять о предназначении российского чиновничества ему не пришлось. Провожатый – юркий человек с пергаментной кожей на лысине – остановился у нужной двери. За ней была приемная. Провожатый передал Смагина величественной темноокой секретарше. Лениво оглядев его, дама указала на стул:

– Ждите.

Смагин прождал ровно пять минут, что показалось ему чрезвычайно вежливым со стороны того, кого звали Константином Львовичем. ("Константин Львович вас приглашает", – всколыхнулась грудью секретарша после сигнала из кабинета). Увы, на этом его положительные эмоции закончились.

Константин Львович Покачуев (фамилию Смагин узнал из таблички на двери кабинета) оказался высоким, поджарым молодым человеком. У него были холодные глаза, тонкие губы, а на лице стояла тень какой-то надменной улыбки.

– Присаживайтесь, господин Смагин. Собственно, не думаю, что разговор у нас будет длинным. Нам рекомендовали вас как одного из лучших отечественных портретистов, а поэтому мы решили предложить вам поработать над официальным портретом главы государства. Подчеркиваю – официальным. То есть тем, который вывешивается в государственных учреждениях и прочее, не мне вам объяснять. Ныне существующий портрет не совсем устраивает Президента... Надеюсь, вы понимаете, какая это для вас честь?

Смагин кивнул.

– Также думаю, вы понимаете, что говорить о каком-либо гонораре просто неприлично.

Он жестко посмотрел на Смагина.

– Костя, – неожиданно для себя самого сказал Смагин. – Не наглей...

Покачуев побледнел, и у него зло, по-лиси заострилось лицо.

– Вы спятили, господин Смагин?

– Вовсе нет. Моя кандидатура одобрена Президентом. И что вы ему скажете после нашего общения? Мол, не договорились, потому что я решил не платить ему гонорара? Боюсь, он вас не поймет.

Смагину показалось, что выбранная им позиция неуязвима, и тем ошеломительней был ответ Покачуева:

– Подите вон! Мы не нуждаемся в ваших услугах!

"Как же я не сообразил, – спохватился Смагин, – ведь он

может сослаться на то, что я заболел или уехал, или запил... Да на что угодно может сослаться..."

Смагин чувствовал сильную неприязнь к Покачуеву. Он отчетливо видел в нем человека жестокого и беспринципно-го. Ему вдруг показалось, что такие вот покачуевы здесь и правят бал...

Но насчет других – это только предположение, а конкретный Покачуев сидел напротив, и по его губам, выйдя из тени, гуляла презрительная улыбка.

– И вообще, господин художник, только что вы поставили крест на своем довольно благополучном будущем.

Смагин понял: в предстоящем сне он не будет смотреть в зеркало.

– А с чего вы взяли, что выйдет по-вашему? Не обольщайтесь, – сказал он вставая.

Дома было пусто – Лера на работе, а Нигелла... Смагин подошел к его комнате, толкнул дверь. Она открылась, и Смагина обдало запустением: паутина под потолком, на полу мусор, обои, отставшие от стен... Нигелла исчез, будто его никогда и не было.

В кармане забился мобильник.

– Леша! Лешенька! – услышал он радостный голос Зубаревой. – Ты просто супер! Мне сегодня позвонил один человек из Генеральной прокуратуры и сказал, что дель Рондо вычеркнул меня из своего списка! Как тебе удалось? Лешенька! Я твоя должница по гроб жизни!

– Оля, успокойся и послушай меня внимательно. Да, тебя не тронут, но ты должна будешь оставить все свои дела. Понимаешь? Все! Я обещал. Считаю, что ты как работник вредного производства раньше срока вышла на пенсию.

– Уж лучше как балерина, – хихикнула Оля.

– Не возражаю.

– Леш, но перед тем, как я отправлюсь на пенсию, давай одно доброе дело сделаем...

– Это какое же?

– А что, если поучаствовать в судьбе еще кого-нибудь из того списка? Ну, Свистунова, например. Не за «спасибо», конечно. Представляешь, как можно заработать!

– Зубарева! – взвыл Смагин. – Ты неисправима! Ты даже не слушала меня!

– Лешечка, я тебя слушала. Не хочешь, ну и не надо. Ты только хорошенько подумай...

– Все, Зубарева! – перебил ее Смагин. – Или ты тихо проживаешь свои богатства, а их у тебя еще и внукам хватит, или... или пеняй на себя!

Смагин нажал на кнопку отбоя.

Ночью, во сне, он общался с Покачуевым, и это был совершенно другой человек. Смагин, конечно, не рассчитывал увидеть Покачуева таким же, как на Старой площади – холодным и надменным.

И все-таки...

Человек, с которым он общался теперь, был скромн,

учтив, и во взгляде его сквозило искреннее уважение к собеседнику. Смагину – президенту вспомнилось даже известное изречение "Без лести предан". Однако он сразу осекся, сознавая, что этот девиз с дворянского герба никакого отношения к искусному лицедею Покачуеву не имеет.

Смагин спросил:

– Отчего это вы – руководитель столь высокого ранга! – лично озаботились моим портретом? Вам не хватает подчиненных?

– Поскольку речь идет о написании не просто вашего портрета, а официального портрета главы государства, я посчитал, что мой долг взять руководство в этом важнейшем деле на себя.

– Ну, и каковы успехи?

– Видите ли... художник Смагин отказался работать.

– Почему?

– Его не устроил гонорар.

Смагин пристально посмотрел на Покачуева. У того было невозмутимое лицо.

– А я имею сведения, будто вы вообще не предложили ему гонорара... Кстати, не пойму, по какой причине? Неужто вы опустили бы до того, чтобы прикарманить его деньги? (А чем черт не шутит?! – промелькнуло у Смагина в голове.) Во всяком случае, вы обманули меня, Константин Львович!

Покачуев побледнел. В глубине его глаз замерцал страх. Но он устоял, не дал ему себя одолеть.

– Я и в самом деле гонорар не предлагал, – сознался Покачуев. – И, поверьте, глубоко сожалею о том, что вынужден был сказать вам неправду. Именно вынужден. Чтобы объяснить почему, позвольте начать с примера. Выдающийся художник Бродский, писавший Ленина, или другой мастер – Налбандян, создавший не один портрет Сталина, думаю, вряд ли требовали вознаграждения за свои работы. И не потому, что деньги им были не нужны, а потому, что относились они к этим выдающимся личностям с огромным уважением. Они, как и весь народ, любили их, а деньги... Деньги всегда унижают высокие чувства. Но ведь и наш народ любит вас ничуть не меньше! И Смагин как частица этого народа должен был бы оскорбиться, заговори я с ним о деньгах... Так я думал, а потому и не предложил никакого гонорара. Однако я ошибался. Первым делом господин Смагин потребовал денег... Есть в русском языке слово такое – отщепенец. Очень выразительное, хоть и затертое советской пропагандой. К Смагину оно подходит наилучшим образом. Как видите, говорить об истинных причинах отказа Смагина – досадно. И стыдно. Не за себя – за него! Я потому и решился на неправду, чтобы не огорчать вас. Мы найдем другого, понастоящему достойного художника...

"Вот слушаю его, – думал Смагин, – и верю: художник Смагин – сволочь, а народ любит своего президента. Удивительный он все-таки прохвост, этот Покачуев! Хотел уволить, да вся злость куда-то подевалась. Ладно... Все равно я

выхожу из игры. Пусть живет..."

– Вот что, – остановил его Смагин. – Другого художника не надо. Завтра же свяжитесь со Смагиным и договоритесь о гонораре. Вам все ясно?

Покачуев коротко кивнул.

– Тогда можете идти.

У самых дверей Покачуев развернулся и, пронзительно глядя в глаза Президента, сказал:

– Еще раз прошу меня извинить.

В 12 часов следующего дня Смагин сидел в приемной Покачуева. Волоокая секретарша показывала ему листок с обозначением суммы гонорара. Сумма была более чем достаточная.

К Покачуеву его так и не пригласили.

XV

Газетная статья называлась "А прав ли был Чаадаев?" Автор напоминал, как еще полтора года назад политологи, эксперты и прочие комментаторы то и дело ссылались на русского философа XIX века П. Я. Чаадаева, считавшего, что предназначение России – служить всем народам примером того, как не следует жить.

"Дословно, – уточнял автор, – мысль П. Я. Чаадаева, изложенная им в первом "Философическом письме", звучит так: "Про нас можно сказать, что мы составляем как бы исключение среди народов. Мы принадлежим тем из них, которые как бы не входят составной частью в род человеческий, а существуют лишь для того, чтобы преподать великий урок миру". Из контекста письма видно, что речь идет об уроке, т. е. примере, – отрицательном. Но так ли это на самом деле? События последнего времени убеждают: Россия способна на положительный пример!" "... За короткий срок Президенту и правительству удалось повернуть государственный корабль в сторону интересов подавляющего большинства населения. С сокрушением олигархии высохли и отпали щупальца коррупции, поднялся с колен мелкий и средний бизнес, ожили заводы, началось обновление села..." Перечисление достижений коснулось практически всех сторон жизни, включая спорт (автор в связи с этим упоминал об успешном

выступлении за Россию конфискованного у известного олигарха итальянского футбольного клуба). "Страна на невиданном подъеме! – заканчивал статью автор. – Пора господам обозревателям поговорить о "русском чуде" и заодно ответить на вопрос, который мы им задаем: "А прав ли был Чадаев?"

Смагин отложил газету. Все-таки не зря он передумал избавляться от нигеллового дара. Жизнь, и в самом деле, налаживается. Во всем.

Год назад, не дождавшись положенного Смагину ордера на новое жилье, они с Лерой переехали на дачу, которую купили в ближайшем Подмосковье. Дача эта принадлежала раньше кому-то из тех, кто не пожелал оставаться в стране, изменившей свой курс. Стоили такие дачи не слишком дорого, поскольку на рынке недвижимости образовался их явный излишек.

Большой, но уютный дом настраивал на мысли о многочисленном потомстве. Вокруг дома был сад, разбитый по всем законам ландшафтного дизайна, – с прудом и рокарием, альпийской горкой и цветником.

Лера неожиданно обнаружила в себе интерес к разведению цветов и особенно... кактусов.

– Почему именно кактусы? – посмеивался Смагин. – Они же колючие.

– Трудно объяснить... Помню, в моем детстве показывали по телевизору старую комедию "Взрослые дети". Там ге-

роиня Зои Федоровой разводили кактусы и все ждала, когда один из них, особенно редкий, зацветет. Ждала, ждала, а когда он расцвел к ее "взрослым детям" пришли гости и заветный цветок сорвали... Мне почему-то после этого фильма ужасно захотелось разводить кактусы. Только я вскоре об этом забыла. А теперь вот вспомнила...

Лерино увлечение оказалось настолько серьезным, что она даже вступила в клуб цветоводов.

"Пора бы ей уже и вернуться", – подумал Смагин, глядя на часы.

Утром Лера уехала в Москву, где ее клуб организовал в ВВЦ большую выставку цветов.

У Смагина всегда вызывал иронию образ американской домохозяйки – благо, Голливуд позаботился, чтобы донести его миру. Нет, этих добропорядочных леди нельзя обвинить в лентяйстве. Постоянно озабоченные организацией благотворительных вечеров, распродаж и конкурсов на лучший яблочный пирог, они то и дело сбиваются в различные комитеты и самозабвенно ищут ответ, синими или красными должны быть ленты на цилиндре главного распорядителя мероприятия старины Хэнка? Хотя, если разобраться, почему только об американках речь? Разве не той же иллюзорной жизнью жили русские барышни с их альбомами и домашними спектаклями? Наверно, это явление всеобщее: жизнь мельчает, когда в ней царят покой и достаток.

Вот и Лера... Из фирмы она давно уволилась: необходи-

мость зарабатывать деньги отпала, а то, чем она там занималась, вовсе не было ее любимым делом. Сидеть же сутками в четырех стенах – эдак и Смагин не смог бы!

– Нет, пора заводить потомство, – проворчал он, чувствуя, как портится настроение. Опять, тревожа, поплыли мысли о последнем сне. Самое неприятное состояло в том, что касался он Леры. Странный был сон...

От размышлений Смагина отвлекла знакомая трель клаксона: Лера сигналила ему, как всегда, подъезжая к дому.

– Наконец-то, – заулыбался Смагин.

Фраза "найти свою половину" для большинства ничего не значит: дежурный оборот речи, дань какому-то там мифу. И только те, кто не может дышать друг без друга, знают, что легенда о разлученных половинках былой гармонии вовсе не миф.

– Все прошло великолепно! – рассказывала Лера. – Народу на выставке была тьма. И вдруг в два часа приезжает... Кто бы ты думал?... Президент! И прямо ко мне, как к старой знакомой. Слушай, а сколько раз мы с ним встречались? На приеме в Кремле, на твоей выставке и еще раз на приеме. Всего-то три раза... В общем, по-приятельски так под локоток меня берет, и я его минут сорок вожу по выставке, объясняю все, показываю... Видел бы ты лица моих клубных подружек.

Рассказывая, Лера вышла, чтобы переодеться. Она вернулась в легком халатике, искушая всем своим видом.

– Президент передавал... – Лера сбилась, увидев, с каким серым лицом сидит Смагин, – ...тебе привет. Что с тобой?

У Смагина ломило сердце. Он чувствовал, что треклятый сон исподволь начинает проникать в жизнь. Ничего похожего ему раньше не снилось.

В кабинет Президента входит Покачуев, хотя Смагин его не вызывал.

– Я знаю, – начинает тот горя глазами, – вам безумно нравится одна женщина, жена художника... Позвольте мне сделать так, чтобы вы были вместе. То, что она замужем, а вы женаты, не станет этому препятствием – я знаю, как все устроить. И сделаю это только из желания доказать свою преданность и искупить ту невольную – помните? – ложь. Смагин понимает, что у Покачуева совсем другие цели: сделать себя необходимым Президенту, отомстить художнику Смагину, наверняка еще что-нибудь низкое, темное... Жаль, что в свое время он не уволил этого прохвоста. Смагин хочет закричать, выгнать его вон, но... не может вымолвить ни слова. Он точно онемел.

– Так вы разрешаете? – глядя в упор, спрашивает Покачуев. Он смотрит несколько секунд, а Смагин по-прежнему не может шевельнуться.

– Благодарю вас, – произносит Покачуев и, опустив взгляд, уходит. На этом сон заканчивался.

Смагин взял Леру за руку, посадил ее рядом с собой.

– Не нравится мне его внимание к тебе...

– Чье?

– Президента.

– Алешка! С ума сошел?!

Лера обхватила его голову и прижала к себе.

– Придумал к кому ревновать!

Смагин таял в сладком аромате ее тела, но тяжелые мысли не отпускали:

– Если б все было так просто...

Лера слегка отстранилась, тревожно посмотрела на него.

– Что-то произошло?

– Да нет, – улыбнулся Смагин: он и мысли не допускал, чтобы нарушить ее покой своей тайной. – Нашло что-то. Извини.

Он провел рукой по ее плечу – оно округло, нежно толкнулось в ладонь, которая поплыла дальше, вниз...

Зазвонил телефон. Он долго надрывался, пока Лера не сняла трубку.

– Вы там что? Любовью занимаетесь?! – обрушилась на нее Зубарева. – Пригласили в гости, а сами "временно не доступны"! Мобильники отключены, к телефону не подходите!.. Забыли, что мы к вам едем?!

– Олечка! Что ты! Очень вас ждем, приезжайте!

Зря Зубарева возмущалась: Смагин и Лера о гостях помнили. Еще вчера они закупили всякой всячины, которую оставалось лишь выставить из холодильника на стол.

Помимо Зубаревой они ждали ее итальянского мужа, с

которым еще не были знакомы. В этот раз он объявился в Москве сюрпризом – просто позвонил в Олину дверь, как будто выходил прогуляться.

К слову сказать, Зубарева послушала своего школьного товарища и от дел совершенно отошла.

Очень вовремя. Будучи женщиной богатой и, в сущности, доброй, она занялась благотворительностью, что не вызывало желания в обществе выяснять, откуда у нее деньги.

Зубарева с супругом были точны: белый «Мерседес» въехал в ворота дачи ровно в шесть. Ни охраны, ни шофера – Оля сама вела автомобиль.

– Ты, как всегда, выглядишь великолепно! – приобнял Олю Смагин, когда та вышла из машины. – Смагин, Смагин, – покачала она головой, – нельзя говорить комплименты одной женщине в присутствии другой!

– Но я не комплименты говорю, а правду! Ты, и в самом деле, выглядишь великолепно! А Лера – обольстительно! Так что нам с твоим супругом...

Смагин хотел сказать «повезло», но в этот момент из автомобиля появился... Нигелла!

Смагин онемел.

– Знакомьтесь, – сказала Оля, не замечая смагинского потрясения. Мой муж, граф Нигелла. Граф улыбнулся и подошел к Лере. По тому, что взор ее молчал, Смагин понял: Лера не узнала его!

"А чему удивляться?" – начал приходить в себя Смагин.

Он уже сталкивался с тем, что память о Нигелле стерлась у всех, кто его знал. Кроме него. И, тем не менее, то, что Нигелла – Олин муж, продолжало оставаться для Смагина непостижимым.

"Вот ведь как судьба распорядилась!" – подумал он и вдруг насторожился: "Судьба ли?"

Нигелла поцеловал Лере руку.

– Граф Альберт. Безмерно рад, – произнес он на чистом русском языке.

– Вы знаете русский? – удивилась Лера.

– И весьма неплохо. Разве можно говорить на разных языках с такой женщиной, как моя жена?

Он с теплотой посмотрел на Ольгу, и можно было заметить, что взгляд этот искренний.

Нигелла направился к Смагину, сделав приветливо – вежливое лицо.

– О вас я очень много слышал от моей Ольги. Она, кстати, утверждает, что вы ее первая любовь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.